

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 153 (4119)

Вторник, 15 декабря 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

ДЕЛА ДРУЖИНСКИЕ

Аркадий АДАМОВ

СОБИРАЙ материал для новой повести, я познакомился с деятельностью народных дружин в различных городах страны.

Некоторые наблюдения и выводы мне хочется поделить раньше, чем будет написана повесть. Это тем более необходимо, что на обсуждение нашей общности вынесен проект нового закона «О повышении роли общественной безопасности в борьбе с нарушениями советской законности и правил социалистического общежития».

Вести говоря, наши газеты, горячо заинтересовавшись на первых порах народными дружинами, теперь уделяют им все меньше и меньше внимания. Редкие выступления ограничиваются либо коротким сообщением о схвате дружинника с бандитами, либо зарисовкой провинциальной беседы дружинника с гражданским, бросившим окурочку в неположенном месте. А между тем пора серьезно вынуть из дела дружин.

Мы хорошо помним момент зарождения дружин, тот искренний энтузиазм, бьющий через край энергию и решимость, с которыми люди приступали к их формированию. Мне пришлось быть тогда в Ленинграде. В партоме завода имени Карла Маркса старый кадровый рабочий А. И. Смирнов мне говорил тогда: — Районный штаб предложил нам создать дружину в 50 человек. Честное слово, перед людьми неудобно. Ведь мы можем сейчас уже выставить 500—800 человек, а завтра — тысячи. Каждый второй рабочий готов будет завтра записаться к нам.

В Одессе в горкоме партии меня познакомили с высоким энергичным, уже немолодым человеком. Умные, чуть уставшие глаза, сухие жесты, на ладонях ладжака — значок дружинника. Всегда, по-видимому, сдержанный и немногословный, в разговоре со мной он разволновался:

— Дело-то новое. Все время шьем. И ошибаемся, конечно. И чего-то не успеваем...

Меня тронуло его волнение. Ведь если подойти к мерой недавнего прошлого, то что, собственно, так уж волновало Ивана Семеновича Погорелову — полковнику в отставке, кавалеру многочисленных боевых орденов, славно потрудившемуся и ушедшему на заслуженный отдых, — что ему так волновало за дело, которое еще совсем недавно он считал обязанностью милиции и молодежных комсомольских патрулей? Беседа с секретарем райкома партии могла, конечно, убедить Ивана Семеновича в полезности нового начинания, но занять все его мысли, заставить биться душой, заставить о нем и думать — для этого надо было нечто большее. Что же такое вдруг увидел он в порученном ему деле, чем оно смогло задеть его сердце и совесть коммуниста?

Дело в том, что Иван Семенович почувствовал главный, «скорректирующий» смысл деятельности народных дружин. Ведь их вмешательство в любой конфликт или уличный инцидент, нарушающий общественный порядок, почти всегда означает — должно означать! — вмешательство в чью-то трудную человеческую судьбу.

Там же, в Одессе, я был невольным слушателем одного примечательного разговора.

В повестке дня — вопросы литературной критики

В Союзе писателей Грузии состоялось собрание, на котором обсуждался вопрос о состоянии литературной критики. С докладом выступил секретарь правления Союза писателей республики Б. Жентри.

За последние годы в Грузии проделана большая работа по изучению литературного наследия. Изданы первые три тома четырехтомной истории грузинской литературы. Опубликованы отдельные монографии о творчестве известных грузинских писателей — Г. Табадзе, И. Абашидзе, Л. Кичели, И. Гришашвили и других. В книжных магазинах недавно появились сборники статей «Литература и жизнь» критика Г. Мерцхвалидзе, два тома «Критических эссе» профессора Г. Диндладзе, «Литературные статьи» доцента Т. Кванчлашвили и другие.

На собрании писателей отмечалось некоторое отставание литературной критики в анализе новых произведений грузинских писателей. Говорилось о том, что в ряде проблемных печати мало публикуется современных статей, посвященных вопросам современной литературы. Критики и литературоведы Грузии ограничиваются, в основном, рецензированием литературных новинок.

ЭКСПОНИРУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

ИНТЕРЕСНУЮ и разнообразную экспозицию готовят к приближающемуся юбилею А. П. Чехова музей-усадьба в Мелихово. Сюда, в небольшое подмосковное село, со всех концов страны поступают сотни самых разнообразных материалов, связанных с жизнью и творчеством писателя. Многие из них будут экспонированы впервые.

В пяти комнатах дома-усадьбы воссоздана обстановка, существовавшая здесь 60 лет назад. Совсем недавно от В. Долженко, от художника М. Лазаревой, архитектора Ф. Шехтеля, от многих других лиц получены десятки новых экспонатов. Среди них — семейные фотографии, первые издания чеховских книг, номера московских газет 80-х годов с рисунками А. П. Чехова, фотографии земских деятелей Серпуховского уезда, на которой можно увидеть и писателя. Из далекой Индии пришла посылка от писа-

Немолодая женщина встретила на улице знакомого: — Куда это ты?

— В штаб, — она кивнула на большую, строго вывеску «Штаб народных дружин».

— Ну? На своего жаловаться? Или, иди. Уж они с ним поговорят! В прошлую субботу у нас во дворе собрали всех жильцов и открыли суд над картежниками. Да какой! Теперь двор чист — ни пьянства, ни игры, ни драк...

И каждый день идут в штаб люди. Идут со своими личными бедами и заботами, твердо зная, что «там придуражат», как обзывают пьяницу-соседа, как заставить учиться сына или воздействовать на нерадивого управдома. Прихо-

Дневник ПИСАТЕЛЯ

дят, чтобы рассказать, как обвесили их в магазине, или о том, что в общежитии соседнего завода завелась потворительная компания и обнаружены случаи продажи вещей.

Авторитет такого рода не зависит от вывески, даже самой внушительной. Он завоевывается людьми горячими и инициативными, людьми с выдумкой, с «огоньком», для которых любой, самый, казалось бы, мелкий факт может послужить поводом начать большое и важное дело.

Дружинники завода имени Бадаева в Москве задержали однажды мальчонку, стаившего несколько пустых бутылок из-под пива. Можно было отчитать ворончика, предупредить мать, работницу этого же завода, после чего поставить очередную «галочку» в графе «задержания».

Но тут выяснилось, что отца у мальчонки нет, а мать он перестал слушаться и плохо учится. Тогда к нему приехали дружинники, и вскоре результаты шефства дали себя знать: парнишка стал более дисциплинированным, догнал в ученье товарищей, благополучно перешел в следующий класс.

Но дружинники на этом не успокоились. Разбор дела «о пустых бутылках» натолкнул на мысль, что следует заняться детьми, которые плохо ведут себя на улице и в школе. Начали с выяснения условий, в которых они живут. Там, где надо было, добились материальной помощи, некоторые ребята устроили в интернат, с остальными организовали совместную подготовку уроков, провели утренник. Так ничтожный, казалось бы, факт послужил толчком для большого, доброго дела, для активного вмешательства в судьбу многих детей...

ПЕРЕЛИСТЫВАЮ дальше свои записные книжки. И новые факты настойчиво вызывают к общественному вниманию, требуют осмысления и выводов.

Вот хотя бы такая мелочь. Часто ли встретишь на улице человека со значком дружинника на груди? Нет, почти никогда. Оказывается, многие дружинники попросту стесняются носить этот значок, а некоторые прикрывают его в обратную сторону ладонью ладжака и в случае необходимости показывают — на манер детективов из Скотланд-Ярда.

А ведь авторитет дружин рождается и из малого, из такой вот детали. Она тоже может дать понять каждому, что дружина — не детская игра, не просто молодежная затея, а дело всенародное, нештучное.

Но вспоминается мне и другое... Были «спущены» цифры, указаны сроки, составлены бланки учета и отчетности, установлены меры взыскания и поощрения.

Конечно, и цифры, и сроки нужны. Но необходимая в любом большом и важном деле организованность и своеобразная «плановость» обернулись кое-где формализмом, погоней за «показателями».

Вот, к примеру, в Москве при строительном управлении № 73 была создана народная дружина, она числится во всех списках и отчетах. Но собрать эту дружину еще никому ни разу не удавалось. Люди разбросаны по стройкам в разных концах города, и съезжаться после работы им трудно. Зачем создавать

такую дружину, почему не использовать этих людей по месту их фактической работы или жительства?

А есть дружинники, которые хоть и собираются, но проку от них не много. На 1-м Государственном подшипниковом заводе — большой коллектив, а дружина «по списку» — 260 человек, и дежурит она в своем «микрорайоне» всего лишь 4—5 раз в месяц. Деятельность подобных дружин важна только «для отчета». А отчет этот содержит обычно всего два пункта: количество «выходов» на дежурство и количество задержанных нарушителей порядка. Значит, все сводится только к «утюжке улиц».

И скажем прямо: если только в этом видеть цель создания дружины, то это дело не захватит человека целиком. Первый и главный враг всякого нового, живого, общественного дела — это формализм, опасная производная от равнодушия и оковитирательства. Формализм вреден не только в делах организационных, он влияет на отношение людей к делу, он тоже по-своему «воспитывает». И в этом его главная опасность.

ДРУЖИНИК — это не просто человек, патрулирующий несколько раз в месяц по определенному маршруту. Он — первый, кто у себя на предприятии заметит халатность в охране материалов и ценностей и добьется наведения порядка. Он — тот, кто, прежде других имеет право выступить в суде общественным обвинителем или защитником. И на него же мы больше всего вправе надеяться, отдавая человека на поруки коллективу.

Непосредственно участвуя в борьбе с аморальными, антиобщественными поступками, человек привыкает сознавать себя ответственным за все, что происходит на его глазах. Дружина — это школа гражданственности, мужества, хозяйского отношения к жизни.

Эти заметки не претендуют, конечно, на сколько-нибудь полный анализ опыта дружин. На эту тему нужен большой разговор.

Навстречу пленуму ЦК КПСС

РАИСПОЛКОМОВСКИЙ газин, имеющий несколько миллионов муравьиных сил, медленно полз в гору. Разговор не клеился.

— Тага! — сказала я восхищенно. Бадмаев, заведующий отделом культуры, скромно опустил веки, словно был ее изобретателем.

По обе стороны дороги, чуть отступая от нее, пыла тага. Вокруг горы. Тага на их вершинах слегка ершлась. Горы похожи на зверей, прилежных отходоу. Казалось, они вот-вот пошевелятся, приподнимут головы, принахоятся к машине, а потом лениво ее прологат.

Я не видел раньше тайги, лишь представлял ее по описаниям, картинкам, кинокадрам. Но эти представления оказались жалкой копией в сравнении с оригиналом. Какого цвета тага? И не синего, и не желтого, и не зеленого, и не серого. Какое-то удивительно фантастическое сочетание красок, которое способен придумать только один художник на свете: природа. И если раньше я знал тайгу, обязательно взятую в рамки либо картины, либо кинокадра, теперь я понял: то была не настоящая тайга. Никаких границ. Никаких рамок. И никакой лирики. Слошная, мрачная, колдовская массивность, волнующая своим неразрешенным, нетронутым единством.

— Однако, — сказал Бадмаев, — приехали.

Деревянный дом, чуть больше обычного. В сорочке километрах — районный центр Кудара-Сомон. В трехстах — Улан-Удэ. В пяти тысячах — Москва. Глушь? Но любому приезжему, открывшему двери этого дома, станет ясно: Бурятия — страна, способная удивлять на каждом шагу. И не только своей природой!

Сняв шапку, я поискал глазами огонь, чтобы погреть замерзшие руки. Но не увидел ни пачки, ни камня. Трубы парового отопления. «Пожалуйста, — сказала мне, — грейтесь!»

Мы прошли комнатами этого удивительного сооружения. Спальни, столовая, кухня, красный уголок, ларек без продавца, на полочках которого аккуратно разложены товары и продукты, а рядом — маленький ящик для денег с огромным замком, имеющим символическое значение. А вот большой зал, сцена, чуть колыхнется занавес, и кажется, сейчас выйдет парень и скажет:

— Начинается концерт художественной самодеятельности колхозы колхоза имени Жданова! Первым номером программы...

Замечательное новшество, эти культуры! В крохотном улусе Хара-Вусун трудится одна из бригад колхоза «Путь к коммунизму». Двадцать молодых чабанов живут в маленьких домиках, отдельно друг от друга. У них не было горячей еды после работы. Собственными ногам приходилось отмеривать за день двадцать четыре километра, чтобы добраться хоть до какой-нибудь цивилизации, пусть даже маленького районного масштаба. И вот три года назад «вечерняя жизнь» благополучно закончилась: чабаны переселились на культузба. Я разговаривал с одной из ее обитательниц Лидой Игумновой.

— Ой, у нас еще столько недостатков! — воскликнула она и стала загибать пальцы. — Нам еще нужен телевизор, ателье мод, костюмы для само-

Сумерки зимние, Синие-синие. Дале в серебряном Мареве иней. От тихими ли, От мягкого ль холода, — Николай РЫЛЕНКОВ

Фотограф А. Скурихина.

И НА ЭТОТ раз осень на юге республики оказалась сухой. В песках Муонкума от жары высыхали колоды.

Ануар АЛИМЖАНОВ

В местечке Демен-Кудук, у огромного пересохшего корыта, выдолбленного из известняка, сбилось несколько отар Сарысуйского овцесовхоза. Животные не пили целый день. Шестеро чабанов, направившихся к джайлау Сары-Арки к зимовьям, пригнали животных сюда, надеясь в Демен-Кудуке найти воду. Но влаги не было, с трудом добыли со дня колоды несколько котелков воды. Овцы лизали сухие камни.

Старый чабан с густыми бровями, нависшими над глазами, молча осмотрел торбы с остатками сухого творога и, обращаясь к своему соседу, сказал: — Ведноваты стали, Фазыл. Бери верблюда и проберись на центральную усадьбу. Отсюда верст двести с лишним будет. Смотри, не заблудись в песках. Чоронис. В ауле сразу иди к бригадир. Скажи обо всем. Захвати побольше продуктов. Будем пробиваться к Кызыл-Аузу...

— А если Кызыл-Ауз окажется сухим? — с тревогой спросил Фазыл. — Что будет тогда? — Ты должен скорее добраться до аула, если даже погибнет верблюд. Пусть удача сопроводит тебя, ступай!

Фазыл ушел. Возле отар осталось пятеро чабанов. Четверо стариков с выцветшими от солнца глазами, с глубо-

кими и неровными морщинами на черных лицах, с растрескавшимися губами, и одна женщина. Она была моложе всех, но ветер и солнце пустыни отняли всю прелесть ее лица.

Все пятеро были молчаливы. Перекинувшись одним-двумя словами и опять, погруженный в думы, шагают по пескам. Даже в самые трудные минуты своей жизни они остаются спокойными.

Вот и сегодня никто еще не пожаловался на жажду, усталость. Никто не думал о сне, хотя не спали уже трое суток.

Прошла еще одна ночь. Перед восходом солнца сделали передышку, чтобы животные могли ползать росу.

В жару труднее провизгивать по раскаленным пескам. Споткнулась и замертво упала лошадь. Остался старый, на редкость выносливый караура. На него навьючили одежду, котелки и торбы.

К вечеру добрался до Кызыл-Ауза. Колодец оказался опустошенным отар-

ами, пришедшими раньше. А до урочища Шабдан-Кудук оставалось еще тридцать километров.

— Только ночная прохлада может спасти отары. Кто же поведет отары в темную ночь? — Старый чабан взглянул на женщину. — У проводника должны быть зоркие глаза. Рим, дочка, только ты сможешь провести нас. Ты здесь каждую тропку знаешь.

— Рим шла не спеша, всматриваясь вперед, выбирая тропинки покороче. До мельчайшей подробности врезалась в ее память первая встреча с Шабданом, хотя это было давно, еще в годы войны. В тот день Рим впервые пошла за отарой, она не могла собрать и удержать стадо в ложбине, на виду. Овцы терлись между барханцами.

Когда Рим, с трудом собрав стадо, решила отдохнуть, на вершине дальней сопки показался человек. Он шел, опираясь на длинную палку с крутым изгибом на конце.

— Здравствуйте, ата. — Здравствуй, дочка, здравствуй. Все ли здоровы у вас дома? Цела ли твоя отара? — старик, приунывший, с еле заметной улыбкой смотрел на нее.

— Дома все живы, здоровы, и в отаре пока все благополучно.

— Скажи, дочка, не ты ли внучка Ихласа, дочь Акимбая? — спросил старик, оглядывая потного, тяжело дышащего коня.

— Да, ата. — А кто же тебя чабаном назначил? Не женское это дело. Видишь, одного дня еще не проработала, а лошадь загнала.

— Овец не могу удержать, — краснея, отняла Рим.

— А ты не гоняйся за ними, дай им пощипать траву там, где они хотят. А когда наедаются, сами соберутся. Выбери самый высокий бархан, чтобы все вокруг было видно, и сяди на вершине, следи за овцами... Далеко не уйдут, крички погромче — назад прибегут. Да и коня отпусти, пусть попасется. Если что случится, зови меня. Я вот там обитаю. Шабданом зовут меня, — сказал старик и пошел.

Рим долго смотрела ему вслед. Потом расдала коня, пучком травы насылаю вытерла его спину и отпустила.

И еще Рим вспомнила, как незаметно она уснула. Потом к ней погнали вилотную подыхал рослый джигит. Конь джигита шаркавшими губами дотронулся до Рим. Она испуганно вскопчила и торопливо застегнула ворот платья.

— Что тебе здесь нужно? — Я... ничего. Только вот агнеюк родился. И я, в общем, хотел попросить вас помочь, — растерянно сказал джигит.

— Помочь? — Помочь? (Окончание на 2-й стр.)

ПРИЕЗЖАЙТЕ В КУДАРУ!

деятельности, художественный руководитель... Запросы всегда больше того, что имеет человек. Но они лучше всего рассказывают о дне сегодняшнем. Уж коли Лиде Игумновой понадобились костюмы для художественной самодеятельности, значит, это самодеятельность уже существует! Если нужен телевизор, значит, патефон надо!

Если в бывшей глуши девушка задумывается о модном платье, значит, есть где в нем появляться! И, конечно, ни одним словом не упоминает наша Лидя о хлебе насущном потому что, нынче это не прологат.

Я не видел раньше тайги, лишь представлял ее по описаниям, картинкам, кинокадрам. Но эти представления оказались жалкой копией в сравнении с оригиналом. Какого цвета тага? И не синего, и не желтого, и не зеленого, и не серого. Какое-то удивительно фантастическое сочетание красок, которое способен придумать только один художник на свете: природа. И если раньше я знал тайгу, обязательно взятую в рамки либо картины, либо кинокадра, теперь я понял: то была не настоящая тайга. Никаких границ. Никаких рамок. И никакой лирики. Слошная, мрачная, колдовская массивность, волнующая своим неразрешенным, нетронутым единством.

— Однако, — сказал Бадмаев, — приехали.

Деревянный дом, чуть больше обычного. В сорочке километрах — районный центр Кудара-Сомон. В трехстах — Улан-Удэ. В пяти тысячах — Москва. Глушь? Но любому приезжему, открывшему двери этого дома, станет ясно: Бурятия — страна, способная удивлять на каждом шагу. И не только своей природой!

Сняв шапку, я поискал глазами огонь, чтобы погреть замерзшие руки. Но не увидел ни пачки, ни камня. Трубы парового отопления. «Пожалуйста, — сказала мне, — грейтесь!»

Мы прошли комнатами этого удивительного сооружения. Спальни, столовая, кухня, красный уголок, ларек без продавца, на полочках которого аккуратно разложены товары и продукты, а рядом — маленький ящик для денег с огромным замком, имеющим символическое значение. А вот большой зал, сцена, чуть колыхнется занавес, и кажется, сейчас выйдет парень и скажет:

— Начинается концерт художественной самодеятельности колхозы колхоза имени Жданова! Первым номером программы...

Замечательное новшество, эти культуры! В крохотном улусе Хара-Вусун трудится одна из бригад колхоза «Путь к коммунизму». Двадцать молодых чабанов живут в маленьких домиках, отдельно друг от друга. У них не было горячей еды после работы. Собственными ногам приходилось отмеривать за день двадцать четыре километра, чтобы добраться хоть до какой-нибудь цивилизации, пусть даже маленького районного масштаба. И вот три года назад «вечерняя жизнь» благополучно закончилась: чабаны переселились на культузба. Я разговаривал с одной из ее обитательниц Лидой Игумновой.

— Ой, у нас еще столько недостатков! — воскликнула она и стала загибать пальцы. — Нам еще нужен телевизор, ателье мод, костюмы для само-

деятельности, художественный руководитель... Запросы всегда больше того, что имеет человек. Но они лучше всего рассказывают о дне сегодняшнем. Уж коли Лиде Игумновой понадобились костюмы для художественной самодеятельности, значит, это самодеятельность уже существует! Если нужен телевизор, значит, патефон надо!

Если в бывшей глуши девушка задумывается о модном платье, значит, есть где в нем появляться! И, конечно, ни одним словом не упоминает наша Лидя о хлебе насущном потому что, нынче это не прологат.

от собственного дома? И не пора ли нам пересмотреть понятие «даль», ибо не может быть «далеко» то, что находится так близко к культуре.

На обратном пути Бадмаев сказал: — Я еще молодой человек, сравнительно, конечно. Но я хорошо помню, как мы, буряты, жили в юртах, не мыслить годами... Дурной сон! Так говорю по-русски? Но каждый раз, когда я бываю на культузбазах, я не только радуюсь, но и печалюсь. Приятно, конечно, что наш район такой культурный, но скажите, почему не везде есть культузбазы? Их очень мало даже в моей родной Бурятии! В чем дело? Косность? Денег жалко? Пусть приезжают к нам в Кудару, пусть проверят сметы: строительство одной культузбазы обходится колхозу в тридцать пять тысяч рублей. Коейки? А результат?

Приглашение Бадмаева — приезжайте в Кудару! — это не риторика. Хотеть и не в ближайших краях Кудара, а многим животноводов нашей страны следует познакомиться там и поучиться у бурят, как надо заботиться о чабанах и о его деле.

Валерий АГРАНОВСКИЙ

Село КУДАРА-СОМОН Бурятской АССР

ПОД ЗНАКОМ ИДЕЙНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

ОТЧЕТНО-ВЫБОРНОЕ СОБРАНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ КОММУНИСТОВ МОСКВЫ

В ДОКЛАДЕ на состоявшемся недавно отчетно-выборном собрании партийной организации писателей Московского отделения Союза писателей секретарь

партии М. Сытин подчеркнул, что в писательской организации установилась настоящая творческая атмосфера, достигнута консолидация творческих сил на принципиальной основе. Коммунистическая партия, ее Центральный Комитет и лично Никита Сергеевич Хрущев помогли преодолеть идейные шатания некоторых литераторов, остатки групповщины, помогли сплотить писательскую организацию. В результате упрочились связи писателей с жизнью, усилились их творческая активность. Новые произведения, опубликованные в журналах и выпущенные издательствами, свидетельствуют, что поворот к отображению явлений современной действительности уже произошел. И тем не менее, подчеркнул докладчик, наша литература еще в долгу перед партией и народом. Художникам слова предстоит много поработать, чтобы создать произведения, по своему художественному уровню достойные времени, достойные народа — строителя коммунизма.

Выступившие в прениях Ю. Яковлев, Л. Лагин, С. Болдырев и другие говорили о великой ответственности литературы перед народом в период развернутого строительства коммунизма, о необходимости самого активного вмешательства литературы в жизнь.

В этой связи выступавшие подчеркивали значение идейного сплочения писателей на принципиальной основе, важность борьбы за чистоту, определенность и ясность мировоззрения каждого писателя. Одним из лучших доказательств тому, что консолидация на принципиальной основе стала фактом, являются оживленные литературные дискуссии, которые идут теперь в нашей среде, — сказал М. Гус.

Содержание и тон их свидетельствуют, что для сплочения рядов московской писательской организации мы сделали немало. Эти дискуссии являются не только результатом консолидации, но и одним из методов

укрепления ее, они помогают поднимать идейно-теоретический уровень всей организации в целом и каждого писателя в отдельности.

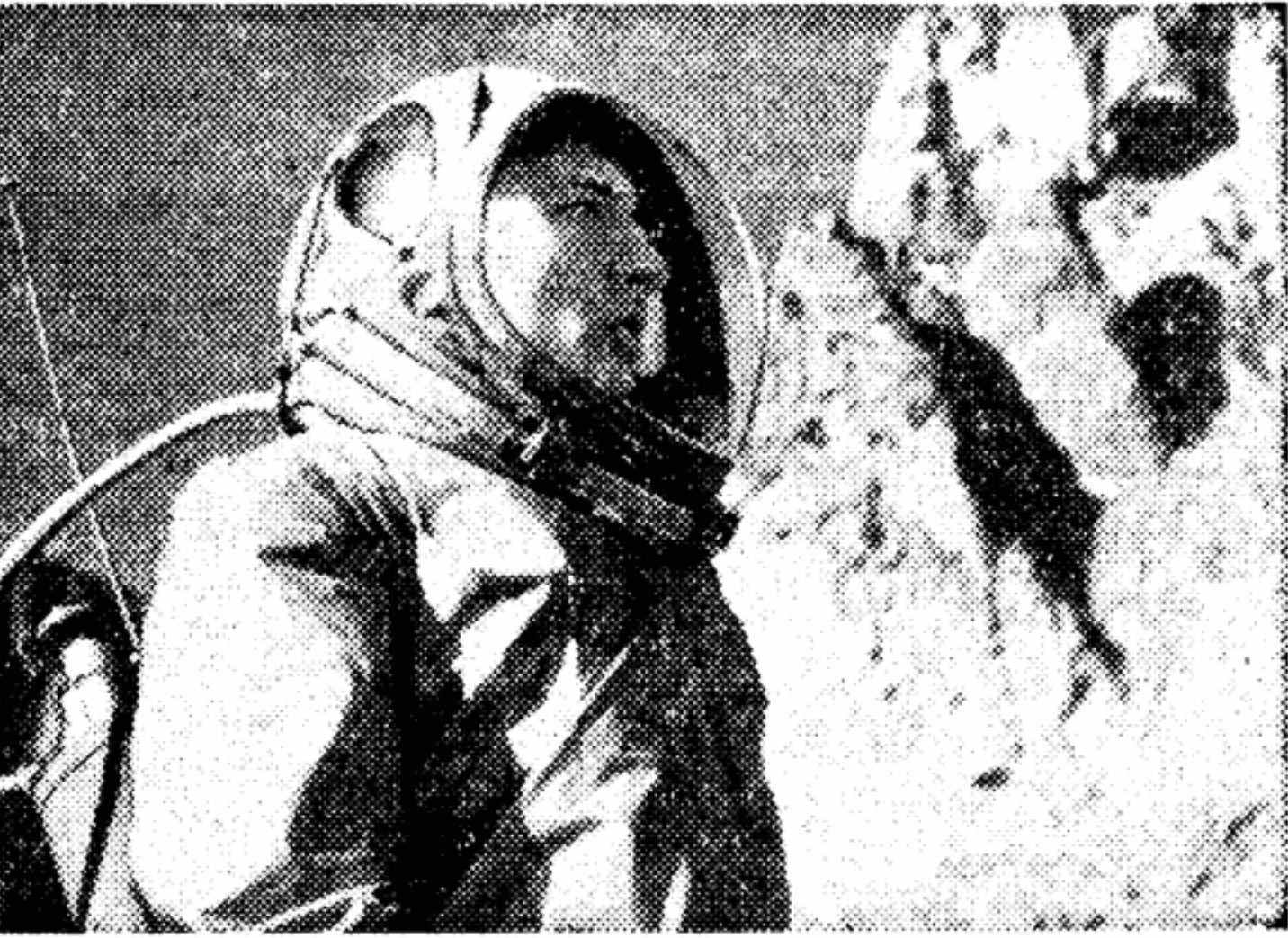
В выступлениях коммунистов явственно звучала мысль, что правильная и четкая идейная позиция писателя — основа основ творческих успехов. Единственное осуждение получила точка зрения В. Кулемина, выступившего против критики идейно-уберного рассказа С. Воронина. В. Кулемин заявил, будто критика данного рассказа не служит делу консолидации. Об ошибочности этой точки зрения убедительно говорили Л. Лагин, М. Гус, В. Сытин и другие.

Отметив, что за последнее время «Литературная газета» несколько улучшила свою работу, коммунисты критиковали отдельные выступления газеты (в частности, фельетоны «Начем с кристалло чистого» и «Любима моль»), указывали на недостаточное глубокое освещение вопросов внутренней жизни страны. Главный редактор «Литературной газеты» С. С. Смирнов поблагодарил коммунистов за критику и заверил собрание, что редакция будет стремиться к всемерному укреплению связи газеты с жизнью, будет работать в еще более тесном контакте с московской писательской организацией.

В докладе партийного комитета был поставлен вопрос о необходимости объединения технического аппарата Московского отделения Союза писателей, правления Союза писателей РСФСР и правления Союза писателей СССР. Собрание поддержало инициативу парткома, направленную на дальнейшую демократизацию жизни писательской организации, на усиление общественного начала в деятельности Союза писателей СССР.

Собрание признало работу партийного комитета удовлетворительной. В новый состав партийного комитета избраны А. Барянов, А. Борщаковский, А. Васильев, М. Кукукин, Г. Санников, В. Субботин, В. Сытин, В. Телевачев, Ю. Чепурин, И. Чичеро, С. Шпилев. Секретарем партийного комитета избран В. Сытин.

Дорога на Луну

НА ЭКРАНЕ — лунный пейзаж. Остатки горные хребты взметнулись в безоблачное, «пустое» небо, причудливо грозоздающие глыбы, покрытые слоем пыли. Ни воды, ни растений, ни животных...

И вдруг из-за выступа скалы выходит человек. Большими плашмя прыжками перескакивает он с камня на камень; на Луне его вес вместе со скафандром не превышает 15—18 килограммов.

Это кадры из фильма «Земля—Луна», производство которого только что закончила Московская студия научно-популярных фильмов (авторы сценария С. Зенин и Ю. Каравкин, режиссер К. Домбровский, оператор Д. Гасюк).

Новая картина рассказывает о том, как люди проложили самую длинную трассу — дорогу на Луну.

«Земля—Луна» — фильм научно-популярный. В нем широко использованы документальные кадры. Сцена пребывания человека на Луне — единственная «фантастическая», если называть фантастикой то, что еще не осуществлено.

Даже самый длинный путь, как говорят пассажиры, начинается с одного шага. Первым шагом на пути к естественному спутнику Земли был запуск трех советских искусственных спутников. На экране вычерчивается стремительная траектория полета нашей первой космической ракеты. Она прошла всего в шести тысячах километров от Луны и стала десятой планетой Солнечной системы.

В фильме наша отражение и работа американских ученых в завоевании космоса. Снятые американцами документальные кадры показывают запуск одной из космических ракет в США.

Взвись устремляется вторая советская космическая ракета, доставившая на Лу-

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«КАК ЭТО МОГЛО СЛУЧИТЬСЯ?»

Под таким заголовком в № 87 «Литературной газеты» была напечатана статья В. Еписопа. В статье говорится о бытовом мифическом рассказе о судьбе старого врача-труженика.

Редакция «Литературной газеты» получила письмо от министра здравоохранения РСФСР И. А. Виноградова — ответ на статью «Как это могло случиться?» бытовом мифическом рассказе о судьбе старого врача-труженика.

Министерство здравоохранения РСФСР проверило работу Смоленского областного управления и приняло меры к улучшению деятельности его аппарата. Решением исполкома Смоленского областного Совета депутатов трудящихся на заведующего областного управления В. Батанова наложено административное взыскание. Инспектор по кадрам Л. Федорова освобождена от работы.

По поводу этой же статьи редакция получила письмо и от заместителя прокурора РСФСР Л. И. Уракова. При проверке, проведенной прокуратурой РСФСР, факта формального, равнодушного отношения к С. Люткову подтвердилось.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Позвольте мне со страниц Вашей газеты выразить глубочайшую благодарность всем советским и зарубежным литературным организациям, издательствам и редакциям, а также собратьям по перу и читателям, приславшим сердечные поздравления и добрые пожелания по случаю моего пятидесятилетия и получения высокой правительственной награды.

Михаил БУБЕННОВ
СИМФЕРОПОЛЬ

Второй республиканский...

МЕСЯЦ назад я встретил Мелинузу Умурзакову на полях колхоза имени Ленина Наманганской области. Он не сходил тогда с хлопкоуборочной машины, работал и днем, и ночью, не считаясь ни с отдыхом, ни с временем.

И вот утром 11 декабря я снова повстречал его — на этот раз в театре оперы и балета имени Алишера Навои в первые часы между заседаниями Второго съезда интеллигенции Узбекистана. Мелинузу Умурзакову привез делегатами съезда ученики, инженеры, конструкторы, создавшие новую хлопкоуборочную машину, на которой он собрал в этом году 250 тонн первосортного хлопка, — горячую признательность хлопкоробов своего колхоза.

Много таких интересных встреч, задушевных бесед состоялось в дни съезда интеллигенции Узбекистана. Среди более чем 1200 делегатов — известные ученые и лучшие механизаторы, конструкторы и новаторы производства, врачи, агрономы, учителя, деятели литературы и искусства. С докладом о задачах интеллигенции республики в осуществлении исторических решений XXI съезда КПСС выступил первый заместитель Министра Узбекистана Ш. Рашидов. Большое место в докладе было уделено вопросам развития литературы и искусства.

Три года отделяют первый съезд интеллигенции республики от нынешнего. Сроком небольшим, но как выросло за это время число научных и творческих организаций, сколько новых талантливых ученых, инженеров, педагогов, врачей, агрономов, пришло в большую часть народной интеллигенции республики! Три года назад новый институт «Литературная газета» существовал только в проекте. А ныне ученые Узбекистана решают важнейшие задачи по мирному использованию атомной энергии.

На заключительном заседании съезда его участники с огромным воодушевлением приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС.

А. ЯКУБОВ,
собственный корреспондент «Литературной газеты»
ТАШКЕНТ

Нужен закон об охране природы

ДО ВОЙНЫ мне часто приходило в голову думать о том, что будет, если в Таджикистане, на реке Цне. Как сейчас, вижу ее заливаемые воды, озера, густые рощи и дубравы, живописно раскинувшиеся на прибрежных холмах. А для рыболова или охотника пойма Цны была настоящим райкомом!

Недавно мне вновь довелось увидеть Цну. И... лучше бы туда не ездить совсем! Каким запустением веет от реки! Не слышно былых всплесков шерешер, щук и сомов, не видно волнующейся сердце рыбака игры леца на утренней зорьке. Исчезла дичь, поблек живописный пейзаж. Многие рощи вырублены, сведен прибрежный кустарник, озера заросли травой, река мелеет. Тягостная тишина!

Цну отравили! Зимой 1956/57 года по вине администрации Тамбовского завода азбестотехнических изделий в Цну были спущены неочищенные воды, и весной по реке поплыли сотни тонн мертвой рыбы. Кто-нибудь за это наказан? Формально — да: завод уплатил штраф из средств, специально, между прочим, запланированных на эти цели. Несколько десятков тысяч рублей переложено из одного государственного кармана в другой. За нерадивость руководителей завода расплачено государственное.

Сейчас, по слухам, очистные сооружения возводятся, но их, видимо, еще недостаточно.

А какой вред наносят браконьеры! Они в открытую ловят рыбу сетями и другими запрещенными орудиями. Я сам был этому очевидцем около Моршанска. Правда, весной моршанская милиция отобрала у браконьеров сети, составила акты. Но после этого на все лето браконьеры были оставлены в покое.

А сколько лесов уничтожается в лесах, прилегающих к Цне! Местные жители не раз находили в камышовых зарослях остатки убитых животных. И все эти безобразия ворочаются на глазах милиции, местных организаций, Тамбовского облисполкома. Но мер, увы, они не принимают.

Тягостное впечатление вынес я из этой поездки. Оскудела природными дарами река Цна. А ведь это могло бы и не случиться, если бы у нас был закон об охране природы — закон, который строго карал бы браконьеров и их покровителей.

В. ЛАКОЩЕНКОВ

ОТ РЕДАКЦИИ: Наши читатели шлют много писем о продолжающемся в ряде мест бесхозяйственном, хищническом отношении к природным богатствам страны и равнодушным местным организациям.

Известно, что во многих союзных республиках — Эстония, Латвия, Литва, Молдавия, Грузия, Армения, Азербайджан, Узбекистан и Таджикистан — уже приняты специальные законы об охране природы. Но таких законов до сих пор нет в крупнейших союзных республиках — Российской Федерации, Белоруссия, Украина, Казахстан. И не случайно, что именно из этих республик поступает наибольшее количество читательских сигналов возмущения по отношению к природным богатствам. Существующая система борьбы с браконьерами малоэффективна. Добровольные общества по охране природы не имеют ни административных полномочий, ни средств для борьбы с хищниками.

Советская общественность все активнее включает в борьбу за сохранение, восстановление и умножение богатств природы. И эти благородные стремления необходимо поощрять общереспубликанским законодательным актом.

Н. ЗУВКО

ТРИ ГОДА

зад в юмористическом журнале «Перец» было напечатано письмо двенадцати известных украинских поэтов, в котором авторы просили зарегистрировать «выдающееся открытие» в области теории поэзии, сделанное тогдашним заместителем министра культуры УССР Б. Белоубом. Дело в том, что тов. Белоубов особым циркуляром за номером 3575-Ю от 26 мая 1955 года установил доселе никем не употреблявшиеся термины — «ломаные стихи» и «рифмическая строка», заодно разъяснив непонятным, что внутренние рифмы следует считать... цезурами.

Данный циркуляр был, по-видимому, продиктован не столько любовью к теоретическим изысканиям, сколько стремлением прелотворить возможные «злоупотребления» со стороны некоторых поэтов, чрезмерно увлекающихся творческими экспериментами. К подобному рода «рамольным» тов. Белоубов решил применить контроль рублем и другие строгие санкции:

«... Стихотворный материал (рифмованные, белые, ломаные или интонационные стихи) подчиняется по числу стихотворных рифмических строк.

Внутренние рифмы (цезуры) на подсчет строк не влияют».

Авторы письма в журнал «Перец» обратили внимание общественности на невежественный характер этого циркуляра, оскорбляющего честных работников советской поэзии, для которых развития строк является поэтическим приемом. Приводились убедительные примеры из творческой практики Павла Тычины, Волта Уйтмана, Эмили Верхарна...

Однако республиканские и областные издательства стали придерживаться путаных и в корне ошибочных инструкций тов. Белоуба. Даже в расставленные строк в стихотворных пьесах, написанных белым стихом, где автора уж никак нельзя заподозрить в нарочитой разбивке реплик отдельных персонажей, бухгалтерии и калькуляторы, в соответствии с вышеуказанным циркуляром, рассмотрели некий злой умысел и стали расписывать обязательную, с точки зрения тов. Белоуба, рифму и т. д.

За последние годы возникло несколько судебных дел. Все они были решены в пользу авторов, но издательства стали засыпать судебные инстанции кассациями, настаивая на повторном разбирательстве дел, на дополнительных экспертизах в отношении совершенно ясных и простых вопросов.

В настоящее время тов. Белоуб уже не заместитель министра культуры, — он возглавляет Главиздат. Но и в новой должности он продолжает вредить в судебную практику свои «теоретические» взгляды в области поэзии.

Как это ни странно, в органах юстиции УССР нашлись работники, на которых усилился тов. Белоубов возмездие. Чем иначе можно объяснить тот факт, что некоторые киевские судьи, ранее решавшие спорные дела между авторами и издательствами в соответствии с советским законодательством, вдруг стали игнорировать его?

Недавно рассматривая иск республиканского управления по охране авторских прав к издательству «Молодь», не желая выполнять свои договорные обязательства перед поэтом П. суд, несмотря на полную ясность разбиремого вопроса, под давлением ответа, направил дело на экспертизу в Институт литературы Академии наук УССР. Получив из института заключение, подтверждающее права автора, народный судья тов. Воробьева не удовлетворил иск и отправил на новую экспертизу тов. Белоуба, являющегося, по существу, ответчиком. Как было решено это дело, нетрудно догадаться.

Такая позиция деятелей правосудия позволила Главиздату УССР в ряде других случаев также грубейшим образом нарушать существующие законы. За примерами далеко ходить не приходится. 16 августа 1958 года было опубликовано постановление о выплате наследникам покойных писателей только 50 процентов начисленного авторского гонорара. Разумеется, что данное постановление, как и все законы, обратная сила не имеет. Однако Главиздат УССР дал указание издательствам при расчете с наследниками выдающихся украинских писателей Остапа Вишни и Юрия Яновского платить им только 50 процентов гонорара вне за-

ВОЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ К АВТОРСКОМУ ПРАВУ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

в зависимости от того, когда гонорар был начислен.

Действия Главиздата и некоторых судебных органов вызывают законное возмущение писательской общественности. Украинское управление по охране авторских прав, по поручению правления Союза писателей Украины, обратилось в высшие судебные инстанции. Однако областной суд пренебрег прямыми указаниями закона и отменил все прежние судебные решения в пользу авторов, даже те, которые вступили в силу более двух лет назад.

Неудовольствие вызывает позиция заместителя министра юстиции УССР тов. В. Зайчука. Вместо того чтобы указать своим работникам на недопустимость создания ряда писателей вынужден получать причитающийся гонорар, лишь по решению суда, он почему-то обратился с письмом в Украинское управление по охране авторских прав с просьбой «реагировать относительно юриконсульта

УАП» в связи с тем, что он, выполняя свои служебные обязанности, отстаивает законные права писателей.

Партия и правительство проявляют повседневную заботу о всех трудящихся нашей страны, в том числе и о советских литераторах. Существующий закон об авторском праве — яркое свидетельство этой заботы. Только безнадёжные дела могут зачислять советских писателей, боевых помощников и пропагандистов Коммунистической партии, в пресловутый «частный сектор».

На июньском Пленуме ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев сказал: «Органы прокуратуры обязаны постоянно осуществлять надзор за соблюдением советских законов.

Можно внести предложение об изменении того или иного закона, но пока он действует — никому нельзя позволять его нарушать».

Об этом не следует забывать!

Максим РЫЛЬСКИЙ, Андрей МАЛЫШКО, Микола НАГНИБЕДА, Петро ПАНЧ, Владимир Ф. МАКИВЧУК, Василь МИНКО
КНЕВ

ТЕЛЕВИДЕНИЕ НА МАГНИТНОЙ ЛЕНТЕ

могут быть усилены во много раз.

С помощью электронных лучевых трубок, являющихся кинескопами и являющимися неотъемлемой частью каждого телевизионного приемника, принятые из эфира электрические сигналы преобразуются в видимое нашим глазом изображение. Проекционные телевизоры позволяют получить изображение на экранах таких же размеров, как и в обычных кинотеатрах.

Магнитная запись изображения открывает новые и весьма широкие перспективы как в телевидении, так и в кинематографии. Без всяких фотохимических процессов может быть записано и воспроизведено любое событие. Записанное изображение немедленно после прерывки, как в обычном магнитотоне, может быть воспроизведено на экране телевизора.

В кинематографии это неизмеримо сократит сроки производства фильмов — ведь отпадает необходимость обработки снятой пленки. А бывает и так: съёмочная группа, затратив уйму времени на подготовку какого-то эпизода, сняв его, провела, закрепив, высушив пленку, вдруг обнаруживает серьезные дефекты технического или постановочного характера. Магнитная же запись изображения дает возможность буквально сразу же проверить качество ленты. А как необычайно упростила техника как натуральных съемок, — съёмочный коллектив перестает быть зависимым от погоды.

А как с цветным изображением! Новая аппаратура положительно решает и этот вопрос.

Надо надеяться, что разрабатываемая в Институте звукозаписи аппаратура будет очень быстро внедрена в производство и наши студенты телевидения, кинематограф и кинолюбители получат ее в достаточном количестве.

Л. ДЕМИХОВСКИЙ,
инженер

НА СНИМКЕ: В. И. Пархомоно проводит регулировку изображения на экране. Фото Ю. Кернера

Колодец Шабдана

(Юночанин. Начало на 1-й стр.)

— Да, посмотрите, пожалуйста, чтобы мой отар не смешался с вашей. А я быстро отвезу агнезна на ферму. Меня зовет Фазыл...

Так Рым подружились с Фазылом. Шабдан научил Рым и Фазыла ориентироваться по барханам, находить хорошие выпасы.

От Шабдана Рым впервые услышала и о Мадамаре. Это случилось в тот день, когда они вместе со старым чабаном пробрались через пески на джайлау Сары-Арки.

Лошадь, на которой сидела Рым, устало шагала вслед за обложкой верблюдицей. Удобно расположившись между горбами, старик не то думал, не то дремал, равнодушно покачиваясь в такт ходы животного.

Когда добрались до воды и утолили жажду, старик произнес: — Вечной удачей Мадамару, вечного счастья ему — такой Мадамар, которому вы пожелали счастья? — Уловатое, морщинистое лицо старика было сурым.

— Молодые люди должны знать тайны своей степи! Мадамар должен благодарить каждого, кто утоляет жажду из колодца Муюнкумов и Кызыл-темура — произнес Шабдан, нервно теря пальцами свою маленькую, редкую бородачку. Отвернувшись, он впервые за всю дорогу больно хлестнул итенега плетью. Верблюдица побежала, широко забрасывая ногу вперед. Наполненный мукой и солью, коржик был животное по бокам.

Старый чабан был огорчен ее неосведомленностью, но слова не пророни он до самой Сары-Арки.

Сары-Арка любила Рым. Ей казалось, что вся щедрость земли проявилась именно здесь. На бескрайней равнине колыхалась густая трава, всюду цветы. Когда задувал ветерок, равнина заполнялась волнами и у Рым появлялась мысль, что это дышит земля — дыхания земли волнует травы и цветы. Она любила, раскинув руки, лежать в объятиях цветов, лежала долго-долго, до тех пор, пока обеспокоенный Фазыл не начинал искать ее. Укрываясь в траве, они рассказывали друг другу обо всем, что знали. Рым вспоминала об обиде старого Шабдана и заставила Фазыла рассказать ей все, что он знает о загадочном Мадамаре.

— Это колодезник, — начал Фазыл. — Уверяю, что три четверти всех колодцев Муюнкума построены предками Мадамара. А ему сейчас восьмой десяток идет. Его имя стало уже символом благородства. И потому каждый, кто утолит жажду в пустыне, должен сказать... — и Фазыл повторил слова Шабдана: — Мадамар может точно сказать причины понижения вод в колодцах, появления обильных зарослей верблюдицы, колочки или сасыра в ту или иную весну.

Он большой друг нашего дяди Шабдана. Чабаны говорят, что их свел один случай, происшедший в тридцатых годах в низовьях Чу.

Несколько тракторов и подвод с плугами и боровами для первых колхозов нашего края не могли переправиться через Чу. Мешал песок, в нем вязли колеса. Нужно было строить крепкий мост. Но где найти лес?

И тогда два джигита, взяв самых сильных верблюдов, направились в верховья Чу.

Они привезли толстые, прочные камышовые полотно. Руки джигитов были изрезаны в кровь. Не обращая внимания на это, они крепко ухватили полотно между собой и переперосили эту своеобразную дорожку через ручку. То были Мадамар и Шабдан.

Обоз перебрался на другой берег по камышовому настилу.

У Мадамара есть мечта, перешедшая ему в наследство от дяди. — Он мечтает дожить до того дня, когда подземное море Муюнкума будет подвластно человеку пустыни.

— Подземное море? — Рым в тот летний день на Сары-Арке впервые услышала и об этом,

промолив кто-то. Рым ладно убрала одноюкую слезу, побужавшую по щеке...

Вскоре добрались до колодца. Овцы, утолив жажду, рассыпались по равнине. Крепким сном уснули чабаны. На высоком холме, сорвав с головы платок и подставив горячее лицо утреннему ветру, сидела одна Рым... Она думала о Фазыле. «Где он? Добрались ли до аула или заблудился в песках? А может быть, где-то бредет по пескам, обезумев от жажды?»

Рым медленно подошла к колодцу, опустилась на колени. В воде отразилась ее огрубевшая от ветра, солнца и жары лица, засветились глаза, наполненные слезами. «Наверное, опять новый самолет пролетел, говорит, что его зовут «Тум», а может быть, это спутник... — думала она. — Вот если бы сейчас так же быстро долетел до Фазыла и узнать, что с ним».

Подняв голову, Рым увидела, как Рым лежала, устремив взгляд в небо. Она думала о дочери Сауле и о Фазыле. От тяжелых дум, усталости у нее начинала болеть голова. Рядом с ней спал старый, больной чабан.

Овцы были спасены. Рым закрыла глаза. Всем существом она почувствовала, что вместе с уходящим солнцем надвигается что-то страшное. От голода, дум сильнее и сильнее болела голова, звенело в ушах. Рым начала забываться, синцово-тяжелый сон постепенно сковывал ее.

Ей почудилось, что где-то слышен шум мотора. «Это во сне. Я, наверное, сплю», — подумала она и с трудом раскрывала глаза.

К ним приближался вертолет. Овцы, испугавшись, снова бросились к зарослям саксаула. Чабаны не встали с мест, они сидели и спокойно наблюдали за кружившим над ними вертолетом. Они не двинулись, и когда вертолет сел недалеко от них, когда из его кабины вышел человек лет сорона, в больших очках, в комбинезоне, сверх которого была надета кожаная тулгура. И только когда из кабины показался Фазыл, у всех вырвался крик радости. И, видимо, это было не столько радостью за себя, сколько за Фазыла, о котором думали все.

Фазыл рассказал о том, как встретился в песках с Мадамаром, как Мадамар на своем быстром, одноголовом верблюде довез его до лагеря разведывательной экспедиции и как ученые сразу же отправили свой вертолет, погрузили свои продукты для передачи чабанам.

Врач осмотрел всех и сказал, что лучшее лекарство для них еда, сон и отдых, хотя бы дня на два.

— Нужно срочно привезти сюда смену, а их отправить на отдых хотя бы в наш лагерь, — сказал он и вместе с Фазылом остался в урочище Шабдана. А Рым со старым чабаном сели в вертолет.

Летчик доставил их в лагерь экспедиции.

Здесь Рым встретилась с Мадамаром. Это был высокий, плечистый старик богатейшего телосложения, с кругленькой, серой от солнечных ожогов бородачкой и черным, потрескавшимся от ветра, скуластым, морщинистым лбом. — Мне о вас рассказывал Шабдан, — сказала Рым ему.

— Шабдан? — Мадамар задумчиво, тихо, словно вспоминая что-то очень дорогое, родное, посмотрел на Рым. Затем он снова перевел взгляд на рабочих, ведущих бурение.

— Сейчас, сейчас! Будет вода! — захлебываясь от восторга, вдруг закричал молодой геолог. И не успел он кончить еще одну фразу, как сверкнул ог-

ромный фонтан, вырвавшийся из-под земли. Рабочие, крича от радости, обтекали в сторону. А старый Мадамар двинулся с места. Он стоял, как изваяние, и струи холодной прозрачной воды текли по его седым волосам, по обгорелой бороде, по морщинистому лицу, по одежде. Глаза его были закрыты, и никто не увидел капели слез, текущих вместе с водой.

— Шабдан, ты сказала Шабдан, дочка? — он вновь повернулся к Рым. — Хороший был человек. А это его мечта... Мадамар указал на фонтан. — Он не дождал. Нужно построить много таких великих родников в нашем Муюнке...

Мадамар подошел к своему одноголовому верблюду, лежащему возле лагеря, отнял свою маленькую лопату и отдал ее молодому геологу.

— Теперь Мадамары начали терять свою силу, спасибо тебе, сынок, — сказал он и, попрощавшись, сел на своего одноголового верблюда.

— Последний Мадамар покидает пустыню. — засмеялся кто-то. Молодой геолог строго взглянул на него. Человек умолк.

— Это он заставил меня полюбить пустыню. Мы с ним из одного аула, — сказал юноша очень тихо. — Это последний колодезник нашей пустыни, его знает весь наш край. Не я, а он нашел воду здесь...

Ярким пламенем догорало вечернее зарево, высоко в небо поднимался мощный фонтан, а Мадамар уходил за барханы. И, возможно, одна только я знала о том, что он не возвращался в аул, а едет в урочище к чабанам, чтобы взять отару своего друга Шабдана, — заканчивая свой рассказ депутат Верховного Совета Казахской республики, старший чабан Сарысуевского овцеводства, Рым Акимбаева. Мы сидим с ней рядом в зале заседания Дома правительства в Алма-Ате.

— Через несколько минут начнется свою работу очередная сессия Верховного Совета республики, — говорит она. — Меня избрали чабаны Муюнкумов, — заканчивая свой рассказ депутат Верховного Совета Казахской республики, старший чабан Сарысуевского овцеводства, Рым Акимбаева. Мы сидим с ней рядом в зале заседания Дома правительства в Алма-Ате.

— Через несколько минут начнется свою работу очередная сессия Верховного Совета республики, — говорит она. — Меня избрали чабаны Муюнкумов, — заканчивая свой рассказ депутат Верховного Совета Казахской республики, старший чабан Сарысуевского овцеводства, Рым Акимбаева. Мы сидим с ней рядом в зале заседания Дома правительства в Алма-Ате.

— Сейчас, сейчас! Будет вода! — захлебываясь от восторга, вдруг закричал молодой геолог. И не успел он кончить еще одну фразу, как сверкнул ог-

«О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ...»

В воскресенье произошла еще одна примечательная встреча. Наши читатели помнят, вероятно, что в день открытия дискуссии «Поэт и современность» ее участники пригласили к себе группу молодых рабочих Металлического завода. Встреча и состоялась в воскресенье вечером в красном уголке молодежного общежития на Большой Охте. Красный уголок был переполнен, собравшиеся готовы были без конца слушать стихи. А сколько было задано вопросов, сколько высказано пожеланий!

В Доме писателя имени В. В. Маяковского все эти дни продолжалось обсуждение путей дальнейшего развития советской русской поэзии. Были затронуты самые разнообразные вопросы. Однако больше всего говорили о том, как лучше, ярче, выразительнее рассказать о нашем времени, показать мысли и чувства наших современников, раскрыть духовную красоту и силу советского человека.

Вчера, после выступлений участников дискуссии, с заключительными словами выступили А. Эльясевич и Л. Ошанин.

На этом дискуссия «Поэт и современность» закончилась.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.)

На снимках: участники дискуссии Адам ШОГЕНЦУКОВ, Николай ТИХОНОВ и Кайсын КУЛИЕВ (вверху). Поэты Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ, Василий ФЕДОРОВ, Сергей БАРУЗДИН за прилавком книжного магазина. Фото В. КАРПУНЬ

ЭТИМИ крылатыми словами Маяковского точнее всего, пожалуй, определяются тема и самое существо того большого разговора, который состоялся между поэтами и читателями в минувшее воскресенье в Ленинграде. На встрече с участниками «Всероссийского съезда поэтов», которые состоялись в двадцати пяти книжных магазинах, пришли сотни любителей поэзии.

В просторном зале Дома книги они горячо аплодировали Павлу Антокольскому, читавшему стихи, написанные под впечатлением от поездки во Вьетнам, Льву Ошанину и Сергею Васильеву, Кайсыну Кулиеву и Николаю Брауну. В книжной лавке у Нарвских ворот сердечно были встречены молодые поэты, члены литературного объединения «Нарвская застава», выступившие со стихами о своем родном городе. Здесь же выступили и гости — Алексей Марков (Москва), Алексей Титов (Карелия), Михаил Шестериков (Горький). В магазине на Садовой улице долгие и страстные литературные диспуты вели с читателями Илья Авраменко, Василий Федоров и Сергей Баруздин.

ЛИТЕРАТУРНАЯ УРЕДА

СТРОГО говоря, деталь и подробность — не одно и то же. Подробности воздействуют в совокупности. «Представьте себе, любезные читатели, человека полного, высокого, лет семидесяти, с лицом, напоминающим несколько лицо Крылова, с ясным и умным взором под нависшей бровью, с важной осанкой, мерной речью, медлительной походкой: вот вам Овсянников. Носил он просторный синий сюртук с длинными рукавами, застегнутый доверху, шелковой лиловой платок на шею, ярко вычищенные сапоги с кистями и вообще с виду походил на зажиточного купца. Руки у него были прекрасные, мягкие и белые». (И. Тургенев. «Однодворец Овсянников».)

Деталь, наоборот, тяготеет к единичности. Она заменяет ряд подробностей.

Уши Каренина — деталь. Зонтик и галоси «человека в футляре» — деталь. «Валкая, цепкая походочка» Гаврика — деталь. «Черная семечка, прилипшая к губе» малопролетарского рыбака Федя («Белеет парус одинокий») — деталь. Деталь, почти заменяющая портрет.

Подробность впечатляет в ряду других. Деталь выделена крупным планом. Она стремится осязательно читателя, приковать на миг особое его внимание.

Валентин Катаев любит деталь остро и эффектно: «Цыганки с глазами, сыплющимися, как медные деньги».

Об обыкновенной струе воды он пишет праздничными, ослепительными словами: «Вода долго летела, сверкая на солнце, как серебряная веревка». «Вода капала на землю длинными сергами». Из садовых бочек появляются «сверкающие грабли воды».

Может быть, нам зададут унылый вопрос: «во имя чего?» Да во имя обогащения восприятия мира. Искусство призвано делать открытия. Художник находит новый угол зрения, открывает новые связи и сопоставления, черты и краски.

Деталь бросает свет на что-то важное и существенное в облике художника. Недаром Энгельс в свое классическое определение реализма, наряду с «типичными характеристиками» и «типичными обстоятельствами», включает и «правдивость деталей». Вдумчивому читателю доставляет неоценимое наслаждение не только сама деталь. Деталь радует и отчетливой печатью индивидуальности писателя, и той — не бросающейся, быть может, в глаза, но глубокой — связью с замыслом писателя, с мыслью произведения, в конечном счете — с идейной позицией писателя.

Деталь — это стиль. Она связана с мировосприятием художника. И несет нередко большую идейную нагрузку. В Катаев одарен способностью подмечать в материальном мире радужное, искрящееся, сверкающее. В сцене, когда ведут на казнь Дружинина, Святослава и Валентину, это драгоценное умение В. Катаева подкадало ему удивительные подробности:

«Старые большие деревья, сплошь увешанные плакучими гроздьями нежных, необыкновенно душистых зелено-важно-молочных цветов, превращали улицы изуродованного города в аллеи, в тенистые туннели цветов и листьев, испещренные солнечными пятнами. На горячей мостовой лежали тени акacias. Но ним, как по темным кружевам, ступали босые ноги осужденных. И тени скользили вверх по их коленям, по груди, по лицам, по волосам непрерывной круговой волной, как бы желая своим ласковым, несомненным прикосновением умерить боль, которую испытывали эти трос».

Брошенная чьей-то дружеской рукой, падает с балкона охапка акacias на обреченных подпольщиков. «Одна веточка

ДЕТАЛЬ И ПОДРОБНОСТИ

на упала на голову Валентины, зацепилась за волосы, но не удержалась и стала сползать вниз. Девушка поймала ее на лице скончанными руками и взяла в рот. Так она и шла с маленькой веточкой белой акacias в губах, почти черных, как маленькая запекшаяся рана...»

Была ли бы сцена смертного пути подпольщиков столь же впечатляющая без темных кружев акacias, без цветущей веточки в черных губах Валентины, без ишениски нежных звуков дряхлой шарманки, сопровождающих шествие? И разве это только подробностями обстановки? Не оттеняют ли они — косвенным, ассоциативным, но могущественным путем — красоту подвига, о которой Катаев не хочет говорить слишком «прямыми» словами, много раз слышанными и стертыми...

У детали большая емкость, чем у подробности.

Вспомним сцену из того же катаевского романа — перед приближением к Одессе фашистских полчищ: «...Посреди дороги стояла новая ножная швейная машина и возле нее — лопнувший мешок овса, над которым прыгали и молчаливо взлетали тяжелые ворны, черные, с иссиня-металлическим, зловещим отливом».

Брошенная на дороге швейная машина и рядом разорванный мешок овса — жуткое и горестное воплощение растоптанного уюта, брошенных очагов, сломанных судеб. Не следует, однако, думать, что секрет выразительности обязательно в контрастности, в необычном сопоставлении.

Вера Павлова умеет превращать в многоговорящую деталь самую заурядную мелочь быта.

Во время войны Лена Огородникова попадает в свою пустую квартиру. «Везде толстым слоем лежала пыль. Белая занавеска стала желтой. Недокрушенная папираса лежала в пепельнице — Данина папираса». Лена уверенно прибирает комнату, стирает занавески, обтирает пыль, моет пол. Но Данину папиросу она «оставила в пепельнице». В слову незначительной детали — вся ее неутоленная любовь.

На последней странице «Слушников» приходит домой Данилов. Знакомые вещи: горшок с алоэ, квашня, покрытая суровым полотенцем, стол, покрытый светлой клеенкой. Когда Данилов ушел на войну, она была еще совсем новой. А теперь она старая, потеряла на углах стола. И вот еще что: «Черничные пятна на клеенке». Откуда черничные пятна? Ах, да — это сын пишет. Сын вырос и пишет чернилами.

«Данилов закрыл глаза. Когда он открыл их, они были мокры». Так много сказали черничные пятна. И так мало понадобилось слов, чтобы взглянуть человеческую душу.

На первой странице «Слушников» появляется Супрунов в ковровых туфлях. Данилов только что бубнел против «стухи», которая опять поставила ему на ночь несчастные туфли: «Прекрасный был бы вид: галифе... и ковровые туфли». Данилов надевает сапоги, гимнастерку и аккуратно затягивает «скрипящий холодный ремень». А военврач Супрунов наслаждается этими самыми ненавистными Данилову туфлями. Так намечается тонким штрихом полярное различие двух людей.

А деталь у Малышкина? Ни следа той вещности, материальной обремененности, что у В. Катаева и Веры Павловой. «Поезд — «метельный, неостановившийся как смерть». У Петра Соустина в минуту торжества — «лицо, вычерченное в воздухе белеском» («Люди из захолустья»).

Изобразительность, живописность намеренно устранены. От явлений отнято материальное бытие. Зато к ним прикреплены ассоциации.

Вокруг праздничного платья Аграфены Ивановны, базарной торговки, «несомлаемое гремела, казалась, церковная служба». Около портретов ударинок «как бы играла музыка». От одноклассника, подаренного Зине шестилетним чертенчиком, «шел сволочной драгоценный запах».

А. Фадеев — как и В. Катаев — любит лаконичные до предела портретные детали. Левинсон, состоящий «из шапки, рыжей бороды да иговок выше колена». «Дымчатый» плывущий взгляд Вари. Гибкое тело Метелицы, «туго скрученное, как ремешок бич».

Иногда мы встречаемся с целой системой деталей, с их эстетическим взаимодействием.

В повести «Белеет парус одинокий» море «темно-индиговое, шерстяное, тоно его глядит против ветра». Небо — «грифельное». Пыль — «тонкая и коричневая, как порошок какао». Медуза «внесла прозрачным абражуром с кистью». Глаза у Павлика сплываются, «как вареники». Побережье — «отчетливое и прозрачное, как персидская картина».

В этих деталях — простодушно, комичное восприятие Пети, мир, увиденный его глазами. Но в повесть

вкраплены и другие детали, знаменательные оущением времени: «Потемки» медленно двигался, окруженный тесным ковром дыма. Гуси шли, повернув головы, «как солдаты». Фонарь — «задушенный туманом». Вороньи гнезда — «большие и черные, как маньчжурские плахи».

В романе «Время, вперед!» нельзя не заметить однородности ряда деталей: «Эхо валится вниз и разбивается, как шквал». Солнце горит «со скоростью летящего магна». «С трохотом подымались и опускались железные шторы бурана». Самолет движется «по узкому волнистому шоссе облаков». «Со скоростью велосипедных спиц мелькал дождь».

Явления природы переведены в мир вещей, созданных человеком. Случайно ли это? Нет, конечно. Форма детали звучит основной темой этого романа, темой техники, побеждающей природу. В отличие от других романов В. Катаева, природа здесь изображена односторонне, как небезопасна. Чудовищные бураны опрокидывают палатки, шатают опалубки и стальные конструкции. Природа мешает людям в их начинаниях.

Но побеждают большевистская воля, упорство, несгибаемость. Они подчиняют природу. И деталь, отдаленно, но выразительно аккомпанирует этой теме: «Толпы телеграфных столбов брели против ветра в облаках черной пыли». «Каменные быки (плотины) упрямо бредут против течения, опустив морды в воду».

Можно быть или не быть сторонником такого типа детали. Но нельзя не ценить их своеобразия, новизну, «лица необычные выраженные».

ДЕТАЛЬ — концентрирована, «интенсивна». Она — результат теснейшего отбора. Но ошибкой было бы думать, что подробности более податливы, требуют меньше поиска.

Откроем первую попавшуюся страницу «Тихого Дона». «...За снежной розовой крошкой горизонта садилось солнце. Под пологими хрусто поскрипывал снег. Лошадки шли шагом. В задке пароконных саней, привалившись к сидлам, полужелал Григорий. Рядом с ним сидела Аксинья, закутанная в доноску, опушенную поречем шубу. Из-под белого пухового платка блестели, радостно искрились ее черные глаза. Григорий исоса посматривал на нее, видел нежно зарумянившуюся на морозе щеку, густую, черную бровь и синевато-поблескивающий белок под изогнутыми зашедшими ресницами».

Аксинья с любовью осматривает «заснеженную, сугробистую степь, тонущую до глянца дорогу, далекие, тонущие во мгле горизонты... Изредка, опустив глаза и ощущая на ресницах приятный пощипывающий холодок инея, она улыбалась тому, что так неожиданно и странно былася давно пленившая ее мечта — уехать с Григорием куда-нибудь подальше от Татарского, от родной и проклятой стороны, где так много она перестрадала, где полжизни промучилась с нелюбимым мужем...»

Нас пленяет чудесная слитность картины. «Снежная розовою крошкой горизонта», «хрусто» поскрипывающий снег, «натертая до глянца» дорога, «пощипывающий холодок инея» — без них нет душевного влета Аксиньи, выравненной на волю, распахнутого взором взглянувшей на большой мир.

Подробности окружающего освещены душевным сиянием Аксиньи. Но и они, в свою очередь, дают новые краски портрету ее души.

«Снятость — первое условие эстетической цены произведения, выставляющая на вид все другие достоинства», — писал Чернышевский. Деталь — ската. А подробности? Да, точно так же. А приведенном отрывке из «Тихого Дона» подробности и шедры, и скаты, они сообразны и связаны магическими нитями с характерами, с важнейшими идеями романа.

Между тем у нас появляется немало произведений, буквально затопленных безразличными, невыразительными подробностями. Инфляция равнодушных подробностей — одна из причин непомерного разбухания книг, на которое так жалуются читатели.

В подлинно художественной прозе деталь — не вычужденный гарнир, не украшение, не вставная инкрустация. Деталь — гармонична с темой, со всем строем вещи. В вышеприведенных примерах из романа Катаева это достигнуто — однородностью. Но такой путь не обязательно. В маленькой шестистраничной повести К. Паустовского «Толпа на набережной» («Москва», № 3, 1958) однородности нет. Но есть более скрытое и более тонкое созвучие.

Сюжет рассказа прозрачен и завершен в своей краткости. Сойдя на берег

«ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ»

Объективно, принципиально

Армянская газета «Гранк терт» («Литературная газета») опубликовала редакционную статью «Высокое звание писателя». Чистота и ясность идейных позиций необходимы каждому художнику, над какой бы темой, в каком бы жанре он работал», — подчеркивается в статье. Отметив достижения армянских писателей, оживление литературоведческой мысли, «Гранк терт» подробно останавливается на некоторых еще не преодоленных существенных слабостях.

«Сохранять наследство, — пишет газета, — значит прежде всего выбрать ценное, передовое, поучительное. Наследие — тоже жизнь, причем довольно сложная и полная противоречий, ее невозможно познать и усвоить без критического отношения, без знания исторических закономерностей развития этой жизни».

К сожалению, бывает так, что в книгоиздательской практике, в различных предисловиях и статьях, этот принцип отношения к наследству забывается. Газета приводит конкретные примеры. Так, предисловия к сборникам Р. Зардаряна и Симанто «изобилуют расточительными и бездоказательными оценками, затуманивающими подлинный облик писателя...».

Объективно и принципиально с заботой о правильном развитии таланта в статье говорится о «сильных и слабых сторонах» недавних произведений талантливых поэтов П. Савака и О. Шираза. Отмечаются, например, некоторые черты «национального бахвальства» в недавней интересной поэме Савака, черты абстрактности и «плаксивой романтики» у Шираза.

Редакционная статья «Высокое звание писателя» — важное и серьезное выступление газеты по вопросам сегодняшней литературной жизни Армении.

Маленькая повесть о большом

Недавно я побывал в вах. И еще — повесть о Кресте, в местах, ранее большой нашей жизни, о мне неизвестных. И тут труднее взрослых, об их радостях и бедах, о неожиданных: достях и горестях, успехах и неудачах. И еще — повесть о море, которое ближе и дальше бухты, живет, волнуется, сверкает на виноградниках, что растут всеми красками на ли на склонах гор или на страницах книги. И еще, и еще, и еще... И все это связано водно, логично, психологически точно, убедительно. Я узнавал пейзаж и людей, будто приехал в Федя и Данилка в повесть — главное, их родители и жизнь переселенцев колхоза — фон, а пейзаж — украшение.

И я вспомнил одну хорошую книжку, читанную еще год назад, которая не только повествует об этих местах, а, видимо, и писалась здесь. Вспомнил и захотел сказать о ней доброе слово.

«Федя и Данилка» — так назвала свою новую повесть писательница Любовь Воронкова. Семейство с небольшим странничек книжки, набранных крупным шрифтом, включая множество рисунков, — совсем крохотный объем у повести, но как много в ней мыслей, настроений, красок, человеческих судеб!

Можно сказать, что «Федя и Данилка» — повесть о короткой, ершистой, верной мальчишеской дружбе, о простых и увлекательных приключениях сельских ребят, об их делах, играх и забавах.

Л. Воронкова. «Федя и Данилка». Повесть. Рисунки В. Цигала. Детгиз, 1958.

Данилки и председатель колхоза Тихон Иванович, и гидролог Сергей Матвеевич, и пастух Иван Никифорович, и рабочий Николай Каштанов, и учитель Федор Савельев. Но особенно удалась автору образы семьи Бабушкиных — Федюхи отца, матери и тетки.

Глава «Федина тревога», в которой Бабушкины принимают окончательное решение покинуть крымскую землю в поисках более «легкого» хлеба, — одна из самых ярких в книге.

Повесть заканчивается одновременно и радостно, и немного грустно. После долгих усилий колхозники нашли воду — мощный фонтан, еб в любую крымское небо. И любил чуть-чуть не дожидаясь этого. Бабушкины уехали, не выдержав первой же трудности: с ними уехал и Федя. Грустно Данилка, грустно и читателю. И хотя автор даже намеком не говорит нам о том, как может сложиться дальнейшая судьба подружившихся мальчишек, мы верим — Федя вернется. Ведь он, как и его мать, сильные люди, не чета тетке Фросе.

Емкая по содержанию, яркая по краскам, чистая по языку повесть «Федя и Данилка» будит в читателе добрые чувства и светлые мысли. Наверняка впереди у этой маленькой повесть — большая жизнь хорошей книжки, любимой ребятами.

Сергей БАРУЗДИН

важнейшим образом. Вспомним сцену из того же катаевского романа — перед приближением к Одессе фашистских полчищ: «...Посреди дороги стояла новая ножная швейная машина и возле нее — лопнувший мешок овса, над которым прыгали и молчаливо взлетали тяжелые ворны, черные, с иссиня-металлическим, зловещим отливом».

Брошенная на дороге швейная машина и рядом разорванный мешок овса — жуткое и горестное воплощение растоптанного уюта, брошенных очагов, сломанных судеб. Не следует, однако, думать, что секрет выразительности обязательно в контрастности, в необычном сопоставлении.

Вера Павлова умеет превращать в многоговорящую деталь самую заурядную мелочь быта.

Во время войны Лена Огородникова попадает в свою пустую квартиру. «Везде толстым слоем лежала пыль. Белая занавеска стала желтой. Недокрушенная папираса лежала в пепельнице — Данина папираса». Лена уверенно прибирает комнату, стирает занавески, обтирает пыль, моет пол. Но Данину папиросу она «оставила в пепельнице». В слову незначительной детали — вся ее неутоленная любовь.

На последней странице «Слушников» приходит домой Данилов. Знакомые вещи: горшок с алоэ, квашня, покрытая суровым полотенцем, стол, покрытый светлой клеенкой. Когда Данилов ушел на войну, она была еще совсем новой. А теперь она старая, потеряла на углах стола. И вот еще что: «Черничные пятна на клеенке». Откуда черничные пятна? Ах, да — это сын пишет. Сын вырос и пишет чернилами.

«Данилов закрыл глаза. Когда он открыл их, они были мокры». Так много сказали черничные пятна. И так мало понадобилось слов, чтобы взглянуть человеческую душу.

На первой странице «Слушников» появляется Супрунов в ковровых туфлях. Данилов только что бубнел против «стухи», которая опять поставила ему на ночь несчастные туфли: «Прекрасный был бы вид: галифе... и ковровые туфли». Данилов надевает сапоги, гимнастерку и аккуратно затягивает «скрипящий холодный ремень». А военврач Супрунов наслаждается этими самыми ненавистными Данилову туфлями. Так намечается тонким штрихом полярное различие двух людей.

А деталь у Малышкина? Ни следа той вещности, материальной обремененности, что у В. Катаева и Веры Павловой. «Поезд — «метельный, неостановившийся как смерть». У Петра Соустина в минуту торжества — «лицо, вычерченное в воздухе белеском» («Люди из захолустья»).

Изобразительность, живописность намеренно устранены. От явлений отнято материальное бытие. Зато к ним прикреплены ассоциации.

Вокруг праздничного платья Аграфены Ивановны, базарной торговки, «несомлаемое гремела, казалась, церковная служба». Около портретов ударинок «как бы играла музыка». От одноклассника, подаренного Зине шестилетним чертенчиком, «шел сволочной драгоценный запах».

А. Фадеев — как и В. Катаев — любит лаконичные до предела портретные детали. Левинсон, состоящий «из шапки, рыжей бороды да иговок выше колена». «Дымчатый» плывущий взгляд Вари. Гибкое тело Метелицы, «туго скрученное, как ремешок бич».

Иногда мы встречаемся с целой системой деталей, с их эстетическим взаимодействием.

В повести «Белеет парус одинокий» море «темно-индиговое, шерстяное, тоно его глядит против ветра». Небо — «грифельное». Пыль — «тонкая и коричневая, как порошок какао». Медуза «внесла прозрачным абражуром с кистью». Глаза у Павлика сплываются, «как вареники». Побережье — «отчетливое и прозрачное, как персидская картина».

В этих деталях — простодушно, комичное восприятие Пети, мир, увиденный его глазами. Но в повесть

важнейшим образом. Вспомним сцену из того же катаевского романа — перед приближением к Одессе фашистских полчищ: «...Посреди дороги стояла новая ножная швейная машина и возле нее — лопнувший мешок овса, над которым прыгали и молчаливо взлетали тяжелые ворны, черные, с иссиня-металлическим, зловещим отливом».

Брошенная на дороге швейная машина и рядом разорванный мешок овса — жуткое и горестное воплощение растоптанного уюта, брошенных очагов, сломанных судеб. Не следует, однако, думать, что секрет выразительности обязательно в контрастности, в необычном сопоставлении.

Вера Павлова умеет превращать в многоговорящую деталь самую заурядную мелочь быта.

Во время войны Лена Огородникова попадает в свою пустую квартиру. «Везде толстым слоем лежала пыль. Белая занавеска стала желтой. Недокрушенная папираса лежала в пепельнице — Данина папираса». Лена уверенно прибирает комнату, стирает занавески, обтирает пыль, моет пол. Но Данину папиросу она «оставила в пепельнице». В слову незначительной детали — вся ее неутоленная любовь.

На последней странице «Слушников» приходит домой Данилов. Знакомые вещи: горшок с алоэ, квашня, покрытая суровым полотенцем, стол, покрытый светлой клеенкой. Когда Данилов ушел на войну, она была еще совсем новой. А теперь она старая, потеряла на углах стола. И вот еще что: «Черничные пятна на клеенке». Откуда черничные пятна? Ах, да — это сын пишет. Сын вырос и пишет чернилами.

«Данилов закрыл глаза. Когда он открыл их, они были мокры». Так много сказали черничные пятна. И так мало понадобилось слов, чтобы взглянуть человеческую душу.

На первой странице «Слушников» появляется Супрунов в ковровых туфлях. Данилов только что бубнел против «стухи», которая опять поставила ему на ночь несчастные туфли: «Прекрасный был бы вид: галифе... и ковровые туфли». Данилов надевает сапоги, гимнастерку и аккуратно затягивает «скрипящий холодный ремень». А военврач Супрунов наслаждается этими самыми ненавистными Данилову туфлями. Так намечается тонким штрихом полярное различие двух людей.

А деталь у Малышкина? Ни следа той вещности, материальной обремененности, что у В. Катаева и Веры Павловой. «Поезд — «метельный, неостановившийся как смерть». У Петра Соустина в минуту торжества — «лицо, вычерченное в воздухе белеском» («Люди из захолустья»).

Изобразительность, живописность намеренно устранены. От явлений отнято материальное бытие. Зато к ним прикреплены ассоциации.

Вокруг праздничного платья Аграфены Ивановны, базарной торговки, «несомлаемое гремела, казалась, церковная служба». Около портретов ударинок «как бы играла музыка». От одноклассника, подаренного Зине шестилетним чертенчиком, «шел сволочной драгоценный запах».

А. Фадеев — как и В. Катаев — любит лаконичные до предела портретные детали. Левинсон, состоящий «из шапки, рыжей бороды да иговок выше колена». «Дымчатый» плывущий взгляд Вари. Гибкое тело Метелицы, «туго скрученное, как ремешок бич».

Иногда мы встречаемся с целой системой деталей, с их эстетическим взаимодействием.

В повести «Белеет парус одинокий» море «темно-индиговое, шерстяное, тоно его глядит против ветра». Небо — «грифельное». Пыль — «тонкая и коричневая, как порошок какао». Медуза «внесла прозрачным абражуром с кистью». Глаза у Павлика сплываются, «как вареники». Побережье — «отчетливое и прозрачное, как персидская картина».

В этих деталях — простодушно, комичное восприятие Пети, мир, увиденный его глазами. Но в повесть

важнейшим образом. Вспомним сцену из того же катаевского романа — перед приближением к Одессе фашистских полчищ: «...Посреди дороги стояла новая ножная швейная машина и возле нее — лопнувший мешок овса, над которым прыгали и молчаливо взлетали тяжелые ворны, черные, с иссиня-металлическим, зловещим отливом».

Брошенная на дороге швейная машина и рядом разорванный мешок овса — жуткое и горестное воплощение растоптанного уюта, брошенных очагов, сломанных судеб. Не следует, однако, думать, что секрет выразительности обязательно в контрастности, в необычном сопоставлении.

Вера Павлова умеет превращать в многоговорящую деталь самую заурядную мелочь быта.

Во время войны Лена Огородникова попадает в свою пустую квартиру. «Везде толстым слоем лежала пыль. Белая занавеска стала желтой. Недокрушенная папираса лежала в пепельнице — Данина папираса». Лена уверенно прибирает комнату, стирает занавески, обтирает пыль, моет пол. Но Данину папиросу она «оставила в пепельнице». В слову незначительной детали — вся ее неутоленная любовь.

На последней странице «Слушников» приходит домой Данилов. Знакомые вещи: горшок с алоэ, квашня, покрытая суровым полотенцем, стол, покрытый светлой клеенкой. Когда Данилов ушел на войну, она была еще совсем новой. А теперь она старая, потеряла на углах стола. И вот еще что: «Черничные пятна на клеенке». Откуда черничные пятна? Ах, да — это сын пишет. Сын вырос и пишет чернилами.

«Данилов закрыл глаза. Когда он открыл их, они были мокры». Так много сказали черничные пятна. И так мало понадобилось слов, чтобы взглянуть человеческую душу.

На первой странице «Слушников» появляется Супрунов в ковровых туфлях. Данилов только что бубнел против «стухи», которая опять поставила ему на ночь несчастные туфли: «Прекрасный был бы вид: галифе... и ковровые туфли». Данилов надевает сапоги, гимнастерку и аккуратно затягивает «скрипящий холодный ремень». А военврач Супрунов наслаждается этими самыми ненавистными Данилову туфлями. Так намечается тонким штрихом полярное различие двух людей.

А деталь у Малышкина? Ни следа той вещности, материальной обремененности, что у В. Катаева и Веры Павловой. «Поезд — «метельный, неостановившийся как смерть». У Петра Соустина в минуту торжества — «лицо, вычерченное в воздухе белеском» («Люди из захолустья»).

Изобразительность, живописность намеренно устранены. От явлений отнято материальное бытие. Зато к ним прикреплены ассоциации.

Вокруг праздничного платья Аграфены Ивановны, базарной торговки, «несомлаемое гремела, казалась, церковная служба». Около портретов ударинок «как бы играла музыка». От одноклассника, подаренного Зине шестилетним чертенчиком, «шел сволочной драгоценный запах».

А. Фадеев — как и В. Катаев — любит лаконичные до предела портретные детали. Левинсон, состоящий «из шапки, рыжей бороды да иговок выше колена». «Дымчатый» плывущий взгляд Вари. Гибкое тело Метелицы, «туго скрученное, как ремешок бич».

Иногда мы встречаемся с целой системой деталей, с их эстетическим взаимодействием.

В повести «Белеет парус одинокий» море «темно-индиговое, шерстяное, тоно его глядит против ветра». Небо — «грифельное». Пыль — «тонкая и коричневая, как порошок какао». Медуза «внесла прозрачным абражуром с кистью». Глаза у Павлика сплываются, «как вареники». Побережье — «отчетливое и прозрачное, как персидская картина».

В этих деталях — простодушно, комичное восприятие Пети, мир, увиденный его глазами. Но в повесть

важнейшим образом. Вспомним сцену из того же катаевского романа — перед приближением к Одессе фашистских полчищ: «...Посреди дороги стояла новая ножная швейная машина и возле нее — лопнувший мешок овса, над которым прыгали и молчаливо взлетали тяжелые ворны, черные, с иссиня-металлическим, зловещим отливом».

Брошенная на дороге швейная машина и рядом разорванный мешок овса — жуткое и горестное воплощение растоптанного уюта, брошенных очагов, сломанных судеб. Не следует, однако, думать, что секрет выразительности обязательно в контрастности, в необычном сопоставлении.

Вера Павлова умеет превращать в многоговорящую деталь самую заурядную мелочь быта.

Во время войны Лена Огородникова попадает в свою пустую квартиру. «Везде толстым слоем лежала пыль. Белая занавеска стала желтой. Недокрушенная папираса лежала в пепельнице — Данина папираса». Лена уверенно прибирает комнату, стирает занавески, обтирает пыль, моет пол. Но Данину папиросу она «оставила в пепельнице». В слову незначительной детали — вся ее неутоленная любовь.

На последней странице «Слушников» приходит домой Данилов. Знакомые вещи: горшок с алоэ, квашня, покрытая суровым полотенцем, стол, покрытый светлой клеенкой. Когда Данилов ушел на войну, она была еще совсем новой. А теперь она старая, потеряла на углах стола. И вот еще что: «Черничные пятна на клеенке». Откуда черничные пятна? Ах, да — это сын пишет. Сын вырос и пишет чернилами.

«Данилов закрыл глаза. Когда он открыл их, они были мокры». Так много сказали черничные пятна. И так мало понадобилось слов, чтобы взглянуть человеческую душу.

На первой странице «Слушников» появляется Супрунов в ковровых туфлях. Данилов только что бубнел против «стухи», которая опять поставила ему на ночь несчастные туфли: «Прекрасный был бы вид: галифе... и ковровые туфли». Данилов надевает сапоги, гимнастерку и аккуратно затягивает «скрипящий холодный ремень». А военврач Супрунов наслаждается этими самыми ненавистными Данилову туфлями. Так намечается тонким штрихом полярное различие двух людей.

А деталь у Малышкина? Ни следа той вещности, материальной обремененности, что у В. Катаева и Веры Павловой. «Поезд — «метельный, неостановившийся как смерть». У Петра Соустина в минуту торжества — «лицо, вычерченное в воздухе белеском» («Люди из захолустья»).

Изобразительность, живописность намеренно устранены. От явлений отнято материальное бытие. Зато к ним прикреплены ассоциации.

Вокруг праздничного платья Аграфены Ивановны, базарной торговки, «несомлаемое гремела, казалась, церковная служба». Около портретов ударинок «как бы играла музыка». От одноклассника, подаренного Зине шестилетним чертенчиком, «шел сволочной драгоценный запах».

А. Фадеев — как и В. Катаев — любит лаконичные до предела портретные детали. Левинсон, состоящий «из шапки, рыжей бороды да иговок выше колена». «Дымчатый» плывущий взгляд Вари. Гибкое тело Метелицы, «туго скрученное, как ремешок бич».

Иногда мы встречаемся с целой системой деталей, с их эстетическим взаимодействием.

В повести «Белеет парус одинокий» море «темно-индиговое, шерстяное, тоно его глядит против ветра». Небо — «грифельное». Пыль — «тонкая и коричневая, как порошок какао». Медуза «внесла прозрачным абражуром с кистью». Глаза у Павлика сплываются, «как вареники». Побережье — «отчетливое и прозрачное, как персидская картина».

В этих деталях — простодушно, комичное восприятие Пети, мир, увиденный его глазами. Но в повесть

ПЕСНЯ БЕЗ СЛОВ

О, если б без слова... — грустно заметил в первой повести XIX века оловский помещик Афанасий Афанасьевич Фет.

Идеал, к которому всю свою долгую жизнь титно стремился выдающийся русский лирик, оказался легко достижимым для прозаика Николая Камбулова, выпустившего в 1959 году в издательстве «Молодая гвардия» повесть «Свет в катакомбах». Немногим более столетия потребовалось для того, чтобы заветная мечта Фета стала явью.

Герои повести Н. Камбулова даром слов не тратят. Они передают друг другу свои эмоции, чувства, движения души, почти не прибегая к услугам второй сигнальной системы.

«Что ты, старый, ко мне пристал?» — кричу в мыслях.

«Что мне выстрелы!» — кричу в душе.

«Егор, не промахнись!» — кричу в мыслях...»

«Нелья медлить, Кувалдин!» — кричу в мыслях...»

«Может быть, не надо, Егор?» — тороплюсь в мыслях...»

«Вероятно, он забыл о нас и, наверное, мыслями переместился куда-то из блиндажа...»

«Нет сил оторвать мысли от грустных рассуждений».

Иногда эта передача мыслей на расстоянии кажется им слишком уютной, тихой, и они прибегают к помощи языка жестов: «...жестом головы обращается к командиру...» Или языка взглядов: «Правдин смотрит на нас человеческим взглядом, и от этого громче стучит сердце».

Как видите, робкая программа А. Фета камбуловскими героями слегка даже перевыполнена. Они великолепно общаются без помощи слов, однако, предположить, что Н. Камбулов в своем творчестве стремится осуществить затеянные мечты только отечественных художников слова. Немало сделано им, напри-

мер, в деле превращения в жизнь известной заповеди Анатолия Франса. «Ласкает долго вашу фразу; в конце концов, она станет улыбаться», — обронил как-то прославленный мэтр.

Н. Камбулов вынул этому призыву. Более того. Он пошел дальше. Он не просто ласкает фразу. Он ее тискает и шечекот, пока она не начнет кривиться и задыхаться в пароксизмах истерического смеха:

«Звучное эхо выстрелов, петляя по низинам, хохочет во право, то левее...»

«Звук, хохоча, угасает в глубине катакомб...»

«Звенящий звук с издевательским хохотом летит во все отсеки обороны...»

«Его глаза... загорались светом внутреннего смеха...»

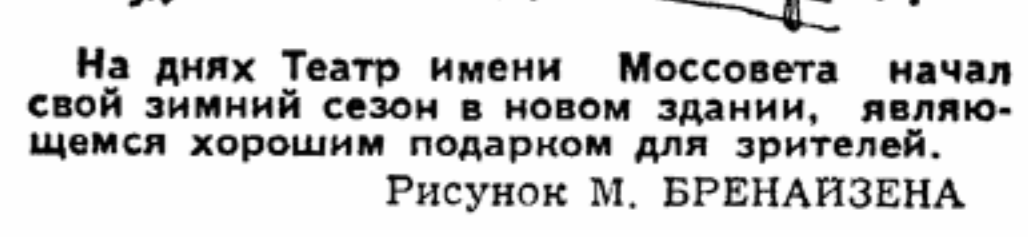
«У меня от злости печенка сгорела и мозги превратились в колючую проволоку...»

«Плеч его похоч на хохот сумасшедшего: мелкий, прерывистый взрыв».

Повидимому, мы сталкиваемся здесь с довольно распространенным явлением, именуемым в литературе «муками слова». Правда, на этот раз муки терпит не столько автор, сколько читатель.

«От такой писанины... — воспользуемся выражением самого Н. Камбулова, — мозги туманятся и в груди чертики стучат молотками».

Ст. БЕНЕДИКТОВ

На днях Театр имени Моссете начал свой зимний сезон в новом здании, являющемся хорошим подарком для зрителей. Рисунок М. БРЕНАЙЗЕНА

Александр ГОЛЕМБА

ДЕВОЧКА ИЗ ХИРОСИМЫ

Бывают лица женские красивые. Уродливы бывают. Но не уродством и не красотой — нас поражает больше непростой, нездешней мукой, смертной чистотой обличья девочки из Хиросимы. Глаза, в которых мука и борьба, надежда, и горечь, и томление, глаза, в которых атома рождение, виденье смертоносного гриба.

Белезнь. Проклятье. В густоте ресниц живет солнечный проблеск океана. И девочка нежданно-неожиданно подпоина страданием без границ

ПОРА ОЖИДАНИЙ

«Пора ожиданий», — говорят на Западе о нынешней необычно холодной зиме. И не только потому, что после зимней стужи всегда с нетерпением ждут первых лучей весеннего солнца. Речь идет и о политических ожиданиях, о надеждах на дальнейшее потепление в международной обстановке: апрель — май называют, как возможный срок совещания на высшем уровне, того самого совещания, о котором Н. С. Хрущев сказал, что, чем скорее оно состоится, «тем лучше для дела мира».

Недавняя встреча в Кэмп Дэвиде руководителей двух великих держав была знаменательной вехой в развитии международных событий, она подготовила благоприятную почву для обсуждения на круглом столе важнейших проблем современности. Даже самые ревностные сторонники политики «с позиции силы» теперь понимают, что уклониться от переговоров между Востоком и Западом не удастся. Миллионы людей во всем мире сказали свое веское слово в пользу этой встречи.

Необходимо теперь сделать решительный шаг: покончить с «холодной войной», рассеять взаимное недоверие, отказать от того, что до сих пор мешало мирному сотрудничеству. Советский Союз доказал искренность своих намерений, проявил максимум доброй воли. Но понимают ли все на Западе свою ответственность перед человечеством?

Сегодня в парижском дворце Шайо открывается сессия Совета Северо-атлантического блока, где, помимо обычных военных вопросов, будет обсуждаться также позиция участников этой организации по отношению к переговорам с Советским Союзом. 19 декабря, как только закончатся сессия Совета НАТО, во французской столице начнется совещание глав правительств западных держав — США, Англии и Франции. Западные державы, возможно, будут лишь частично участвовать в совещании. Во всяком случае генерал де Голль предложил пригласить боннского канцлера Аденауэра лишь для рассмотрения германского вопроса.

Декабрьским совещаниям предшествовала усиленная дипломатическая активность на Западе, которая, по словам французской газеты «Комба», напоминала «вертящуюся карусель».

Президент Эйзенхауэр совершает сейчас поездку по одиннадцати странам с тем, чтобы посетить в 19 декабря в Париже Американская печать признает, что столь уютный вояж предпринят во имя укрепления позиций американской дипломатии и для разъяснения целей политики США. Действительно, события последних лет посеяли серьезные сомнения и вызвали недоверие к внешнеполитическому курсу Соединенных Штатов во многих странах мира.

В Лондоне и Париже побывал в последние недели канцлер Аденауэр. Париж посетил британский министр иностранных дел Селвин Ллойд. Переговоры в Бонне вел министр обороны Англии Уоткинсон.

Одна из французских газет остроумно заметила недавно, что канцлер Аденауэр у его преклонном возрасте пора «подумать о божественном». Увы, не понимая

этого, он продолжает сеять смуту в мире. Пусть никого не вводит в заблуждение прожектёрские слова Аденауэра, что он «приветствует созыв совещания в верхах», и его призывы обсудить на этом совещании проблемы разоружения. Высказываясь против совещания на высшем уровне, он попросту не рискует, боясь негодования германской общественности. Но Аденауэр надеется, что в силу сложности вопросов разоружения они прозвучат ося оное время и главы правительств не успеют обсудить германскую проблему и берлинский вопрос. А сохранение очага военной опасности в центре Европы — страстное желание боннской дипломатии. Разгадывающая о готовности сократить вооружения, бонские политики успешно оснащают бундесвер самым современным оружием.

Аденауэр прискакал в Лондон и Париж, чтобы убедить своих старших партнеров по НАТО в желательности продолжения прежней политики. И, как ни странно, в действительных некоторых представителях британских правых кругов наметилась тенденция, которые не могут не вызвать тревогу.

Британская печать утверждала, что переговоры Аденауэра с Макмилланом в Лондоне были посвящены, главным образом, смягчению англо-германских экономических противоречий. Они не только существуют, но и явно обострились после вступления в силу договора об «общем рынке». Но, как ни печально, складить их Лондон хочет ценой уступок боннским милитаристам — продолжения гонимых вооружений, военных поставок бундесверу. Вот факты: во время недавних переговоров министра обороны Англии Уоткинсона с министром обороны ФРГ Штраусом речь шла о поставке Англией ФРГ новых ракет типа «Блю Уотер» на сумму девять миллионов фунтов стерлингов; заводы «Кленкер» в Дуйсбурге начинают выпуск двигателей для реактивных самолетов по английским лицензиям; бывшие гитлеровские генералы ведут в Лондоне переговоры о совместном англо-германском производстве танков для НАТО. Английская общественность выражает возмущение: весьма странной кажется такая «подготовка» в совещании в верхах.

Бонские политики ждали многого от переговоров Аденауэра с президентом де Голлем. Не секрет, что участвующий франко-германские встречи, создание «общего рынка», где главенствуют Франция и Западная Германия в противовес Англии, использовались Бонном для нажима на своих старших англо-саксонских партнеров по НАТО. Сейчас, однако, тон западногерманской печати стал довольно кислым: в Бонне не скрывают недовольства заявлениями де Голля о неземельности, с его точки зрения, границ по Оде-

ру — Нейссе. «Черная кошка» пробежала после того, как де Голль высказался за ограниченное участие ФРГ в западном совещании глав правительств. По словам обычно хорошо информированной западногерманской газеты «Генерал-анцвергер», Аденауэр решительно высказался против французских планов превращения совещания западных держав на высшем уровне в своего рода директорию трех, которая без широкого привлечения Германии замалас бы вопросы, прямо или косвенно касающимися Бонна».

Франко-германские разногласия — не единственный груз, который принесет с собой во дворец Шайо западные державы. Лондонская газета «Таймс» с горечью писала недавно о том, что сердечное согласие между Англией и Францией нарушено. Соперничество идет и в политической, и в экономической областях. Франция все более настойчиво оспаривает у Англии место «главного партнера» Соединенных Штатов по НАТО — с этим, в частности, связано стремление де Голля быть допущенным в «котловый клуб» великих держав. Все более острой становится конкуренция между «общим рынком» и «зоной семи», сколачиваемой в противовес ему Англией.

Поездка по столицам западноевропейских стран, предпринятая сейчас заместителем государственного секретаря США Дуэглэсом Диллоном, выявила трудности, возникающие перед Соединенными Штатами. Дефицит бюджета США в этом году возрастет до 4 миллиардов долларов. Это — прямое следствие огромных военных расходов, политики сколачивания агрес-

сивных блоков. Диллон, судя по высказываниям печати, пытается склонить участников НАТО, чтобы они взяли на себя львиную долю военных расходов на так называемый «оборону Запада». На этом же настаивал в своем последнем выступлении на пресс-конференции в Вашингтоне государственный секретарь США Гертер, который утверждал, что союзники по НАТО могут взять «на себя большую долю общего бремени». «Соединенные Штаты», — пишет в связи с этим «Нью-Йорк таймс», — по-видимому, убеждены, что, несмотря на сообщения из Лондона, Западная Германия сможет сделать для НАТО гораздо больше. Англия, возможно, также сумеет внести больший вклад. Это сможет сделать и Италия».

Перспектива увеличения и без того чрезмерных военных расходов, естественно, не вызывает энтузиазма ни в Лондоне, ни в Париже, ни в Риме, ни тем более в столицах малых стран Западной Европы. Последние в том же направлении отстранения их от решения основных вопросов «стратегии» Запада в предстоящих переговорах с Востоком. Корреспондент газет «Нью-Йорк таймс» Кенурти считает, что сессия «будет бурной».

Общественность европейских стран в эти дни озабочена тем, чтобы на сессии Совета НАТО не было принято решений, способных ухудшить международную обстановку. Люди, мыслящие трезво, сознают, что сейчас особенно важно не допустить шагов, которые могли бы осложнить подготовку совещания на самом высоком уровне, предостерегают от мер, способных усилить взаимное недоверие и подозрительность.

Миллионы людей ждут конструктивного вклада Запада в дело упрочения мира. Пора ожиданий должна завершиться осуществлением надежд и чаяний человечества.

Варшаве закончил свою работу десятый съезд Союза польских писателей. В обсуждении проблем, стоящих перед современной польской литературой, приняли участие многие видные писатели. С участием многих видных писателей Совета министров Польской Народной Республики П. Ярошевич, который, в частности, сказал:

В общем строительстве социализма существенную роль играют развитие польской социалистической культуры и ее распространение в народных массах.

В минувшем 15-летии, в ходе последовательной борьбы за прогрессивное развитие нашей страны, за преобразование общественного сознания в духе социализма, было создано много ценных художественных произведений, общественное значение которых полностью оценивают трудящиеся и правительство народной Польши.

Мы знаем, что процесс социалистического строительства не был и не является легким, что он не проходил гладко. Были трудности, вытекавшие из объективных препятствий, и были наши субъективные ошибки, углублявшие эти трудности, в частности, также и в области культурной политики...

Однако в последние годы в культурной жизни нашей страны усилились некоторые отрицательные явления, возникшие вследствие реакционных, консервативных политических тенденций. Они снижали общественную значимость литературы, которая, к сожалению, в последний период не отвечала общественным требованиям нашей эпохи. А требования эти велики. Я не намерен здесь обсуждать, какими средствами достигается то, что писатель становится близким и нужным людям в их жизни и труде, в их борьбе за общественный прогресс. Вы сами долж-

НА СЪЕЗДЕ ПОЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ны выбирать темы для своих произведений, вы можете также выбирать формы, способные дать современной литературе миллионы новых благодарных читателей, которым совершающаяся в нашей стране общественная и культурная революция открыла широкий доступ к знаниям...

Мы верим, что в решении стоящих перед нашей страной задач мы найдем в вас союзников, что, будучи верными традициям нашей литературы, вы будете стоять плечом к плечу с трудящимися, чтобы в их повседневном тяжелом труде помочь действенным способом.

С основным докладом — «Писатель и общество» — на съезде выступил видный критик, главный редактор еженедельника «Новая культура» Стефан Жульевский. Докладчик остановился на истолковании понятия социалистического реализма, отметил, что социалистический реализм является определенным не литературного течения или школы, а определенным творческим методом, а определенным отношением это связано с вопросом нового героя, с возникновением и бескомпромиссным отрицанием капиталистического общества с убеждением в необходимости победы социализма, с народностью и партийностью творчества. Это связано с воспитательными задачами литературы.

С. Жульевский коснулся в своем докладе достижений современной польской литературы, напомнил о значительных произведениях, созданных польскими писателями.

Анализируя затем теньевые стороны развития польской литературы за последние три года, Жульевский указал, что нужно вновь начать дискуссию о социалистическом реализме, «ибо у нас было сказано на эту тему слишком много неурезанных».

Никто, отметил Жульевский, не хочет навязывать социалистический реализм административными методами. Но его проблемы являются одним из элементов идейной борьбы за направление развития нашей литературы, за формирование позиции писателя в отношении общества и общечеловеческих задач искусства.

В заключение Жульевский сказал: Международное положение ставит нашу культуру и литературу перед проблемой мирного сосуществования и экономического соревнования между различными общественными системами. Мы обоснованно можем предусматривать такое развитие международных отношений, что мы будем все шире и смелее устанавливая культурные связи с капиталистическими странами. Это требует от литературы соответствующего идеологического вооружения, ибо ценные для нашей культуры связи должны носить активный, критический характер.

Но это будет возможно при двух существенных условиях. Во-первых, мы должны углубить и укрепить наши культурные связи с социалистическими странами. Во-вторых, мы должны научиться лучше сотрудничать с прогрессивными силами несоциалистических стран в области культуры.

В области общественных задач искусства писателям необходимо компетентные политические указания партии... Голос партии должен быть необходимым вкладом в решение проблем культуры. Думаю, что и правильность исканий художественных форм будет тем более полной, чем с большим вниманием и доверием писатели будут прислушиваться к политическому голосу партии.

После обсуждения доклада Стефана Жульевского тайным голосованием были избраны руководящие органы Союза польских писателей. Председателем союза избран Ярослав Иванкевич. В состав избранного правления Союза польских писателей вошли: Т. Брезя, Я. Бжехва, М. Домбровская, Т. Хлоуб, П. Ясеница, А. Ковальская, Л. Кручковский, М. Мендзишевский, С. Отвиновский, С. Пентак, Е. Путранент, А. Слонимский, Е. Завейский, С. Жульевский.

«Мы поставили эти машины прямо на корабли. Филе изготовляется не на берегу, а в открытом море из самой свежей рыбы». Теперь пришла пора заняться за изготовлением корабельных машин. Мы зашли погреться в один из домиков. Тихая музыка магнитофона, сдержанная северная приветливость хозяев. И книги на полке. Среди них не только норвежские авторы, но и Фадеев, Гладков, Серрафимович, Ильф и Петров, Чарковский, Гринин. Вот, оказывается, в такую даль вы забрели, дорогие мои товарищи...

Хозяин дома, рыбообработчик Христиансен, сетует на то, что мало советских книг переводится на норвежский. Все, что было возможно, он достал, даже приобрел роман «наско-то русское, оказавшегося не настоящим, не советским». Соревнувшись, повеселившись, мы продолжили путь, чтобы сесть на почтовый теплоход и плыть к последним пунктам нашего путешествия.

Узнав, что на теплоходе советская делегация, капитан отдал распоряжение транслировать по всему суду Мурманское радио. Мы все тремли на игру северного сияния и слушали ставшие нам особенно дорогими слова диктора об уборке хлопка в Туркмении, об успехах строителей Сталинградской ГЭС, обо всем том, что дома кажется обычным, а вдали от дома становится величественным и бесконечно волнующим.

Последний вечер в далекой стране я провел на собрании общества «Норвегия — СССР», в зале, снятом на деньги, собранные тут же при помощи лотереи. Рыбаки и рудокопы с женами, посадив на колени малышей, сидели за столиками, пили кофе, слушали рассказы о моей стране. Это было накануне годовщины Октября, и, прощаясь, старик с квадратным лицом сказал мне: «Завтра у вас праздник. Мы пойдем на границу. Там есть высокая скала; с нее виден ваш город. Мы будем смотреть иллюминацию, слушать песни».

Возвращаясь из Норвегии, сквозь море мы увидели огни заполярного города, построенного комсомольцами на гранитных скалах. Это сияние словно зажигало крупные хлопья снега, заставляло их светиться. И низкие полярные облака отражали эти лучи, и сияние было видно далеко-далеко.

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЬЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛЯИ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

ГРУСТНЫЙ СМЕХ

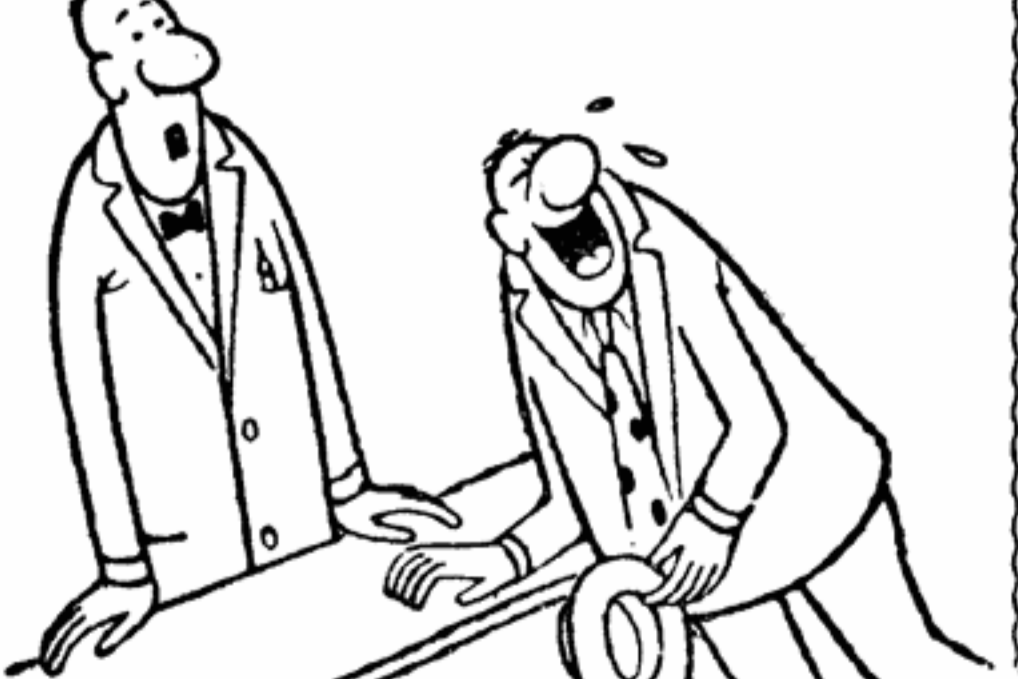
Молчат и платят...
«ЭТО было бы смешно, если бы это не было до слез грустно» — так озаглавлена серия рисунков, помещенная западногерманским журналом «Штерн». К рисункам журнал дал следующий выразительный эпиграф: «Цены на основные продукты питания все время растут. Но потребители — джентльмены: они молчат и платят».

Действительно, ныне население Западной Германии больше, чем в предыдущие годы, обеспокоено непрекращающимся ростом цен на продукты питания и некоторые товары широкого потребления. Немцы в ФРГ недовольны и тем, что вздорожал проезд на транспорте, намечается увеличение почтовых тарифов и т. д. Все это вынуждено признавать даже буржуазная пресса, обычно расхваливающая «экономическое чудо».

Мы воспроизводим несколько рисунков из серии, опубликованной журналом «Штерн».

Продавщица: — Нет, вы наивны: за каждую штучку, конечно!

Продавец: — Да нет же, я не шучу, сегодня масло в самом деле столько стоит!

Художникам, оформляющим этикетки с ценами, в будущем придется представлять дополнительный отпуск...

У НАШИХ СЕВЕРНЫХ СОСЕДЕЙ

КАЖДУЮ ночь над нами колыхается северное сияние. Старый свет, похожий на последний этап праздничного салюта, когда закончился фейерверк и устремились вверх прожектора, покачивая лучами. Но салют — это там, у нас на Родине, далеко отсюда... А здесь это просто северное сияние.

Преобладающий цвет сполохов — зеленый, иногда неторопливо переливается весь спектр и гаснет где-то в морозном воздухе под Полярной звездой. Трудно поверить, что в эпоху, когда уже сфотографирована обратная сторона Луны, тайна северного сияния до сих пор не открыта.

Впрочем, еще более странно то, что земли, находящиеся совсем рядом, порой более неведомы людям, чем обратная сторона Луны.

Мурманская область и фюльке (область) Финмарк — соседи, но мои норвежские собеседники порою задают вопросы, свидетельствующие о полнейшем незнании нашей жизни. Справедливо требует добавить, что норвежцы очень хотят узнать больше о Советском Союзе.

Мы особенно почувствовали это, углубившись в лабиринт скал и фьордов, путешествуя на автомобилях и кораблях по Северной Норвегии.

Перед началом путешествия каждому из членов советской делегации была вручена карта провинции Финмарк. «Составлена в 1907 году» — гласит надпись на карте. Мы удивились, но наши спутники никак не могут понять — почему?

Да все очень просто, друзья... Мы пригласили ответную делегацию в Мурманск и обещали полную взаимность — мы вас встретим точно так же, как вы нас, так же радушно покажем все, что вы пожелаете увидеть. Но карту, составленную в 1907 году, мы не сможем вам предложить, никак не сможем. Ведь на ней не будет ни Мурманска, ни Кировска, ни Мончегорска... А поморский город Заполярный, наверно, отсутствует и на картах, составленных в прошлом году. Скажу точнее — Кольский полуостров на старой карте — лишь белая пустыня. Мы рассуждаем об этом норвежцам, они удивляются: «Быть не может!». Время пошло на норвежскую карту. Многие мелкие поселки исчезли, остались лишь их названия. Отмеченный бисерными буквами

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ
Киркенес, благодаря железным рудникам, сильно разросся, ставшее крупным городом. Помощь Альфа предпринимается в город. Поездка в этот край раньше можно было лишь морским путем, а теперь в скалах пробиты дорожки, через крутые реки переброшены легкие серебряные мосты.

По одной из таких дорог мы мчимся в глубь Финмарка. Изредка в долине встречаются одинокие фермы — к ним тянутся электропровода. Ворота усадьб увенчаны оленьими рогами. На цветных стенах домов сушатся распяты оленьи шкуры. Но ни одного жилого оленя мы за время путешествия не встретили — в это время года саамы уногают свои стада в глубь материка. Зато чернобурый лис можно встретить сколько угодно. Не выдержав соревнования с нейлоном, на свое счастье, они вышли из моды и теперь бродят вблизи жилья, рассчитывая схватить завалявшуюся курочку.

Преимуществом дорога ветвится по берегам фьордов, она врублена в скалу. Слева — скала, справа — вертикальный обрыв над морем грифельно-го цвета. Со скал срываются водопады. Вода журчит и звенит под ледяными панцирем. Там, где она проливается на дорогу и застывает бугром, выставлен предупредительный треугольник с надписью «Лед». А вот еще одна надпись. Буквы явственно проступают на зашлефованном камне.

В годы второй мировой войны фашисты превратили север Европы в гигантский лагерь для военнопленных. В жестких условиях оккупации, под угрозу расстрела, укрепились дружба русских и норвежцев. Норвежцы оказывали помощь советским людям, попавшим в беду. В норвежском движении Сопротивления участвовали оставшиеся неизвестными Коли и Вани. Фамилии, как правило, норвежцы не знают, но добром исполняют советских людей. В заминутых на край света рыбацких поселках нас просили передать привет «ленинградцу Юре» или «анату Юсуфу». Пользуясь случаем, чтобы выслушать просьбу наших северных друзей. Но истоки нашей дружбы на севере уходят в древние времена.

А ныне? Губернатор Пелер Холт и председатель Мурманского облисполкома Николай Коновалов наметили широкий план связей между соседними областями. Уже в этом году во время всемирного фестиваля на скалах в Вангер-фьорде был открыт маленький филиал Вены. Молодежь из Швеции, Норвегии, Финляндии и Советского Союза встретилась дружно и весело. Группа участников Мурманской художественной самодеятельности ездила по провинции Финмарк с концертами. С ответным визитом в Мурманск приплыл на корабле оркестр города Вардэ. На состязания друг к другу ездили спортсмены.

В составе нашей делегации — потомственный рыбак Всеволод Киреев, один из руководящих работников Мурманского совхоза. В годы войны гремела слава о киреевском таране: на рыбацком судне Киреев пошел в атаку на подводную лодку противника, протаранил ее и утопил.

В Норвегии Киреев искал горбушу. Эту рыбу выловили в Мурманске, и она улетела в неизвестном направлении. Однажды наши рыбаки, ловившие селедку в Атлантике, поймали двух горбуш и, не зная, как эти рыбы важны для науки и для Киреева, зажали и съели их. Но где-то должна обитать горбуша! И Киреев в каждом рыбацком поселке искал и спрашивал: «А не попадалась ли вам такая рыба?» Горбуши он так и не нашел, но друзей приобрел множество.

В одной из бухт Киреев повел нас на небольшой бот «Хокон седьмой», гордо именуемый спасательным креслером. Недавно этот бот оказал помощь рыбаковому трактору Мурманского совхоза, взяв его на буксир во время шторма, привел в гавань.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгасета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренняя жизнь — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литератур народов СССР — Б 8-59-17, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммунальный отдел — К 5-00-00

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б-04705